

ИЕТСТВО

Роман

КВАРТИРА СО ВСЕМИ УДОБСТВАМИ

Костины родители познакомились в телестудии, где работали. Мама была редактором, а папа — помощником режиссера. Основной его профессиональной обязанностью было бегать за водкой. Он с этим справлялся успешно. Режиссеры его ценили за оперативность и сноровку.

Кажется, родители сошлись на почве обоюдной нелюбви к настольному теннису. Это было то немногое, что их объединяло. Нелюбовь к теннису и беспартийность.

Елена Михайловна поначалу отнеслась к будущему мужу с неким скепсисом.

— Станьте моей женой! — сказал однажды Геннадий Яковлевич. С жаром сказал.

— Как хотите... — ответила она.

Через три недели свадьбу обстряпали. На невесте было белое платье, сшитое родственниками. На женихе — взятый напрокат костюм.

Вскоре они принялись искать жилье. Была попытка обустроиться в двухэтажном деревянном доме во Всеволожске. Там приходилось топить печь. Она обогревала только комнату, а коридор и туалет — нет. Шатались подвыпившие соседи. В щели заползали похожие на червей кошки.

— Жить здесь можно, только если ты труп! — сурово сказала Елена Михайловна мужу. Хотя переехать сюда было ее идеей.

Начали поиск других вариантов. Квартиры внаем предлагали на Сенной. Одна бабка, сплевывая и подмигивая, сдала им комнату в большой коммуналке на Лиговке. Геннадий Яковлевич рос недалеко от тех мест и обрадовался.

— Лиговка, — сказал он, — это наши Елисейские поля!

— Какие еще поля? — переспросила бабка. Ей не ответили.

Условия на новом месте оказались немногим лучше. Было чище. Но на кухне постоянно возникали ссоры. Одинокий сосед разговаривал только матом, а по ночам пел Вертинского, Утесова, Лифшица. Другая соседка часами занимала туалет. Третья — зорко следила за тем, чтобы в комнатах не совершались всякие прелюбодеяния. Это был ее самый любимый грех. Она подслушивала и подсматривала за всеми и внимательно следила, чтобы люди жили духовной, а не плотской жизнью. Соседи внимания на нее не обращали. Только закрывались на ключ. На всякий пожарный. Молодожены к такому оказались не готовы и через месяц съехали.

Антон Александрович Ратников родился в 1984 году в Ленинграде. В 2014 году окончил Высшую школу режиссеров и сценаристов. Входил в шорт-лист Волошинского конкурса, лонг-лист премий «Дебют», «Русский Гулливер». Публиковался в альманахе «Взмах», журналах «Нева», «Звезда», «Октябрь», «Аврора», «Кольцо А». Лауреат премии журнала «Нева» за 2014 год. Участник 14-го Форума молодых писателей России, стран СНГ, зарубежья. Член Союза журналистов Санкт-Петербурга.

Бабушка Кости по отцу, Тамара Ивановна, тогда уже переехала из большой коммуналки в центре в маленькую коммуналку на Гражданке. Сидела в комнате. Задумчиво курила. Она работала лаборантом в Театральном институте. В ее манерах и правда было что-то театральное, даже в том, как она выдувала дым из ноздрей.

Две другие комнаты были заняты соседями. Но вот неожиданно освободилось помещение интеллигентной семьи Шацких. Они переезжали в Москву. Паковали чемоданы, весело переругивались. Тамара Ивановна, узнав об этом, побежала в ЖЭК. Дала взятку круглолицему начальнику участка — и комнату закрепили за ними. Костины родители обрадовались! Собственная комната — о таком не все могли мечтать.

— Представляешь, — радостно говорил Геннадий Яковлевич, — нас ждет квартира со всеми удобствами!

Елена Михайловна счастливо улыбалась.

Появился Костя. У него были толстые щеки и привычка спать всегда и везде. Толстые щеки удивляли родителей, потому что он ел мало и отказывался от груди.

— С голоду пухнет, — говорил отец.

Потом появился еще один сын, Пашка. Этот ел столько, что родители удивлялись — как он не лопнет.

Жить вчетвером в одной комнате размером двенадцать квадратных метров оказалось непросто. На каждого отводилось чуть меньше трех квадратов. То есть небольшая песочница. Бабушка предпочитала своей комнатой ни с кем не делиться. Родители не настаивали. Тамара Ивановна сидела в клубах сигаретного дыма и смотрела телевизор одна.

— У нас квартира, — грустно говорил Геннадий Яковлевич, — не только со всеми удобствами, но и со многими недостатками...

Женщины ссорились постоянно. Кажется, из-за всего. Например, из-за погоды. Одна говорила:

— Хорошая сегодня погода.

Другая отвечала:

— Нет. Погода так себе.

Просто из желания противоречить.

В лучшие минуты они просто не разговаривали и молча презирали друг друга. Тамара Ивановна считала невестку выскочкой. Ей не нравилось, как та делает уборку. Не устраивало, что не гладит мужу рубашки. Ей многое было не по душе, но не все она могла выразить словами.

Война приобретала новый масштаб: Тамара Ивановна поставила на кухне второй холодильник — для своих продуктов. Хранить молоко и простоквашу в холодильнике невестки она считала ниже своего достоинства. Кухня была совсем маленькая, и, кроме двух холодильников, там ничего больше не помещалось.

Геннадий Яковлевич в эти дела старался не лезть. Его обещали отправить на север снимать документальный фильм о птицах. Геннадия Яковлевича назначили вторым режиссером. Это был шаг в карьере.

Но на север так и не отправили. Более того, режиссер, у которого он был любимчиком, спился и умер. Слишком исправно его помощник бегал за водкой...

На место режиссера пришел непьющий халтурщик из Пскова и привел своих людей. Геннадий Яковлевич так расстроился, что его уволили за прогулы. Пришлось идти работать в заводскую многотиражку и организовывать праздники для рабочих.

Геннадий Яковлевич стал выпивать все усерднее. Началась перестройка. Облака низко нависали над городом. Здания казались мертвыми. У метро с ящиков торговали всем, что только можно было продать.

Денег не хватало даже на макароны.

А ситуация в квартире осложнялась соседом. Все эти годы в квартире, словно тень, присутствовал еще один персонаж. Внешне он напоминал снежного человека: дикий, волосатый, сгорбленный. Работа и алкоголь занимали все его время. Редко-редко сосед завязывал и в синей майке готовил на кухне блины. Он угощал Костю, но Костя стеснялся и блины не брал. Выглядели они неаппетитно.

Геннадий Яковлевич называл его: «Наш Йети».

К счастью, они пили порознь. Сосед не устраивал кутежи, даже никого к себе не приводил. Пил в одиночку или на скамеечке с мужиками. В одиночку чаще.

С ним даже никаких историй не происходило. Видимо, он был чутким человеком, потому что Костину семью старался не беспокоить. Возвращаясь после попойки, тихо разувался и крался к себе (паркет предательски поскрипывал). Один раз его встретила бабушка.

— Да вы пили! — сказала она ему грозно. Иногда на нее находило — и она начинала его стыдить.

Сосед смотрел на нее, не моргая. Старался сконцентрироваться. Потом сделал шаг назад, как бы отступая с поля боя.

— Нет-нет, — он сделал еще пару шагов и вытянул руки перед собой, стараясь защититься, — ни в коем разе, ни в коем разе...

Он сделал еще один шаг, споткнулся и упал, повалив пенал, стоявший в коридоре. Потом помогал его поднимать и все повторял: «Ни в коем разе, ни в коем разе».

Потом сосед неожиданно умер.

То, что он давно не появляется, обнаружили дня через три. Первой забила тревогу бабушка. Отсутствие соседа ей показалось странным.

— Может, в вырезвители? — спросила мама Кости.

Тамара Ивановна сложила руки на груди.

— Что ему там делать?

К счастью, в тот раз они не поссорились.

Соседская комната была закрыта. Ключа не нашли. Вызвали милицию. Участковый высадил дверь плечом. Сосед лежал на диване — мертвее не бывает. Запах разложения не ощущался — от комнаты пахло сильнее. Наш Йети никогда не делал уборку.

Родители завесили зеркала тряпками. Труп вынесли. Комнату закрыли.

Поминок не было. Обошлись без кутьи.

Потом Тамара Ивановна ходила по всяким инстанциям, чтобы в комнату больше никого не подсаляли. Костя иногда ходил с ней. Однажды они пришли на прием к депутату. Он принимал людей в соседнем ПТУ. На депутате была рубашка идеальной белизны. И зубы у него были очень белые. Вообще улыбался он широко, только глаза у него словно потухли. Косте даже показалось, он спит. Ему захотелось его потрогать. Костя еле сдержался.

Бабушка с депутатом спорила, что-то доказывала.

— Вы извините, — говорил депутат, — но это не в моей власти.

— Что же в вашей власти? — спросила бабушка.

Депутат вздохнул и посмотрел в окно. На зеленом небе отпечатался след от самолета.

— Хотите кофе? — неожиданно спросил он.

Как ни странно, но комнату все-таки оставили за их семьей. Видимо, опять не обошлось без взятки.

Месяц отец Кости приводил ее в порядок.

— Комната у вас будет — со всеми удобствами, — улыбался Геннадий Яковлевич.

В бывшей соседской комнате поселились Костя с Пашкой. И уже почти ничто в ней не напоминало о странном соседе-алкоголике, прожившем такую нелепую

и необязательную жизнь. Кроме вырезанного ножом рисунка на одной из створок форточки. Костя любил смотреть в окно, и этот рисунок часто попадался ему на глаза. В сердце, проткнутом стрелой, надпись — «Таня».

ЕСЛИ ЭТО МОЖНО НАЗВАТЬ СЕМЬЕЙ (Сочинение ученика шестого «А» класса Василевского Константина)

Семья у меня большая. Я, младший брат, мама с папой и бабушка.

Пять человек — это почти мини-футбольная команда. Если без запасных. Или хоккейная, если без вратаря. В общем, много людей у нас.

Про себя я рассказывать не буду, тут и так все понятно.

Про брата я рассказывать тоже не буду. Не хочу. Он меня достает сильно. Он не то чтобы плохой, но и не то чтобы очень хороший. Вести себя не умеет со старшими. Не слушается. Не только меня, а вообще всех. Бабушка ему говорит: «В тебя что, бес вселился?» А ему — все равно.

Вы, может быть, о нем слышали. Он сейчас в третьем классе учится, в прошлой четверти его на педсовет вызывали.

И в этой тоже.

Теперь про отца.

Он у меня обычный. Раньше работал режиссером. Потом его уволили. Кажется, из-за несогласия с линией партии. Это он так говорит. Потом он где-то на заводе работал. Потом его оттуда тоже уволили. А сейчас он бизнесмен. Что-то продает, покупает, покупает, опять продает. Говорит, что работа у него нервная. Наверное, поэтому он много курит и пьет. Иногда он уезжает в командировки. Надолго.

Увлечений у отца нет. Хотя нет, есть. Он книги любит читать. Лежит дома на кровати и читает. Шекспира, Данте... Шучу. Детективы в основном.

Мы с ним раньше неплохо ладили, а в последнее время ладим плохо. Он мной недоволен. Не знаю почему. Хотя я им тоже недоволен. Но мне кричать не полагается. Я молчу.

Маму свою я люблю. Она у меня хорошая, несмотря на то, что у нее седые волосы появились.

Она работает корректором и сильно устает. Она исправляет чужие ошибки, такая у нее работа. Она и мои ошибки иногда исправляет, но не всегда. Потому что приходит поздно и на дом иногда работу берет. Она сидит на кухне и что-то там чирикает.

Сочинения я обычно ей тоже показываю. Но это не буду показывать, поэтому здесь, возможно, будет много ошибок.

Я не покажу ей это сочинение, потому что она может обидеться. Ведь я не написал, что она красивая. А это так.

Меня мама считает разболтанным и несобранным. Наверное, это правда. Хотя мне сложно, тут нужно со стороны судить. Я вот, например, других считаю слишком собранными. Им это не идет.

Я иногда разговариваю с мамой о семье. Беру фотоальбом, тыкаю пальцем, задаю вопросы... А это кто? А это? Это?

Мама терпеливо отвечает.

— Большая у нас семья, — говорю.

Мама выпускает сигаретный дым изо рта.

— Если это можно назвать семьей...

Это она шутит, наверное.

Еще с нами живет бабушка. Она раньше работала в театре, потом бухгалтером, а сейчас на пенсии. Она курит «Родопи» и много смотрит телевизор. Мы с ней много общаемся, ходим вместе. Мы настоящие друзья. Недавно она посмотрела фильм про Майкла Джексона, а я его не смотрел, потому что было поздно. Она мне долго рассказывала о его удивительной жизни. Ей Майкл Джексон очень нравится. Раньше он был черным, а потом побелел. Папа говорит, что это он специально сделал. Но бабушка считает, что это случайно получилось. То ли таблеток каких-то съел, то ли еще что. В общем, он несчастный такой. Мне Майкл Джексон не очень нравится. Хотя танцует он действительно круто. И клипы у него прикольные. Особенно тот, что с пантерой.

Дедушки у бабушки нет. Его и раньше не было. Ну, то есть она всегда была одна. Почти всегда. Они с дедушкой давно разошлись.

Я плохо знаю эту историю. Знаю только, что дедушка был моряком. Вернее, он учился на военного моряка. Он должен был стать офицером. Они с бабушкой на танцах познакомились. Потом они поженились, и родился мой папа. Но они как-то неправильно поженились, и когда дедушка стал военным офицером, то он просто взял и уехал куда-то, а бабушку с собой не взял. Бабушка, видимо, это не поняла и поехала к нему. Но оказалось, что там у дедушки уже есть другая бабушка... Всем стало как-то неловко, и бабушка уехала обратно с моим папой. Так они стали жить одни. И жили, надо сказать, замечательно. В большой коммунальной квартире на улице Пестеля. А дедушка так и остался с той бабушкой в другом городе. Ну и ладно. У нас даже его фотографии нет.

Я забыл. У меня ведь еще одна бабушка есть. А все дело в том, что она в другом городе живет. Здесь, недалеко, на электричке час ехать. Она как бы бабушка, но у нее там своя семья. С ней живет моя тетя, ее сын. Мы с мамой иногда к ним ездим.

Бабушка живет в двухэтажном доме. Там нет канализации и отопления. Есть печь, и зимой ее топят. Один раз я об нее обжегся. В туалете зимой холодно, потому что печь далеко. Там пахнет гадко, и я стараюсь туда не ходить. У бабушки я обычно терплю и стараюсь меньше есть.

Поэтому у бабушки я бывать не люблю.

Только один раз мне там понравилось. Мой двоюродный брат подарил мне тогда набор солдатиков-матросов. Очень хороший был набор. Это он сделал потому, что кусался и мне руку прокусил. И чтобы я не плакал, он мне солдатиков подарил. Но больше он не кусается, хотя и смотрит на меня не очень по-хорошему.

Наверное, мы скоро снова к ней поедem. Мама говорит, это родственный долг. И вздыхает.

У той, второй бабушки дедушки тоже нет. Он умер. Я это точно знаю, хотя он умер еще до моего рождения.

В войну этот дедушка был юнгой на катере и бил фашистов. У него несколько медалей есть. Их мама хранит в бордовой такой коробочке. Еще есть фотография, старая, желтая, где дедушка с другими моряками стоят на борту своего катера. Вид у него очень лихой. Я бы хотел быть на него похожим, но, честно говоря, у меня вид совсем не такой лихой. Тут уж ничего не поделаешь.

В войну дедушка был герой, но когда вернулся с войны, то перестал быть героем. Как-то не получилось ему встать на мирные рельсы. Что-то не так пошло.

Мне всего родители не говорят, но он что-то такое сделал, кажется, паспорт свой заложил в магазине, и его посадили в тюрьму. В настоящую тюрьму. И он там сидел. А потом вышел и стал вывески рисовать. Он их рисовал какое-то время, а потом опять что-то сделал — и его снова посадили. Уже как-то надолго. И он так сидел, что даже свадьбу мамы пропустил. И там, в тюрьме, он умер.

Его похоронили на кладбище, но как-то неправильно, и теперь мама бежит по инстанциям, чтобы эту могилу не уничтожили. Крест оттуда уже кто-то снял — и теперь это просто холмик. Мы туда приходили несколько раз. Очень жалко, что так все у дедушки сложилось. Слишком лихой вид у него, наверное, был.

Вот и вся моя семья.

Ах, да. Забыл. Тот дедушка — морской офицер — однажды приезжал к нам. Я тогда маленький был совсем. Годика два мне было. Помню, на нем были усы. В основном. И пахло чем-то сладким. Он мне конфету подарил. «Мишка косолапый». Такая вкусная! Мне очень понравилась. Я даже этот фантик себе в ящик положил. Картина красивая. Кстати, художника Шишкина... Вы ведь его знаете? Так вот, я вам скажу по секрету, что мы все его родственники. Ну, не все то есть. А мама, я, бабушка, которая в другом городе живет. Но это вроде как секрет, наверное. А то, что я по рисованию тройки всегда получаю, — так это еще ни о чем не говорит. Может быть, я какой-то другой его талант унаследовал.

Правда, не знаю еще какой.

Вы не ругайтесь, Людмила Борисовна, я все честно написал. А уж если поставите мне двойку, то маме не говорите — за что поставили. Я ей это сочинение показывать не хочу. Она обидится, наверное. Она на меня часто обижается. И здесь обидится. Так что, пожалуйста, Людмила Борисовна, не надо.

А тройку можете смело ставить. Лучше крепкая тройка, чем расхлябанная, несобранная четверка!

МАННАЯ КАША

Косте в детском саду не нравилось.

Ему казалось, он в ловушке, из которой не выбраться. Его преследовала навязчивая идея, что родители за ним не придут. Это специально ими подстроено, чтобы от него избавиться. Будто он там, в садике, навсегда. А их и дома-то нет. Взяли все вещи — и съехали. Один раз он так это четко представил, что расплакался. Его тут же поставили в угол.

По утрам он тоже плачет.

Вот Костя лежит в маленькой кроватке за шкафом. Открывается дверь в коридор. Полоска света освещает узор на желтых обоях и ковер с двумя оленями на водопое. Этот ковер долго висел над его старой кроваткой, и он все смотрел на оленей, думая об их судьбе. Откуда они пришли? Что с ними стало? Он смутно чувствовал: чего-то здесь не хватает. Может быть, охотника, притаившегося за кустом?

Уже в детстве Костя чувствовал силу подтекста.

Эта полоска света на стене означает — пора вставать. Мать трогает его за плечо. Костя протестует. Он не хочет идти в садик. Но маме терять нечего. У мамы работа. У нее нет времени на церемонии.

Костя плачет. Плачет, пока она его одевает. Плачет, пока они идут по темной, холодной дороге (их путь усеян звездами). Иногда он замирает на несколько секунд, и мама радуется: неужели все? Но нет. Это Костя просто набирается сил. Плач возобновляется.

Он плачет до тех пор, пока они не приходят в группу. Тут на него рявкает воспитательница, и он замолкает. Весь день он старается не раскрывать рот. В садике он считается молчуном.

Костя боится воспитательницы. Она страшная. У нее огромные руки и загнутый подбородок, как у Бабы Яги. Костя знает: с ней лучше не спорить.

Подают еду. Нечто мелко перемолотое. Манная каша! Ее Костя иногда даже видит во сне. Манная каша атакует его. У нее есть зубы, лапы и белый отвратительный язык с комками. Манная каша преследует его и хочет съесть. Этот ужасный кошмар повторяется раз за разом.

Костя боится манной каши. Он не может видеть эту субстанцию.

Воспитательница опять рывкает. Костя не понимает, что она говорит, но уж наверняка ничего хорошего. Надо есть! Сказано есть — ешь!

Дрожащей рукой Костя берет ложку. Манная каша сгущается под его взглядом. Он старается не думать, не чувствовать, не слышать. Он осторожно двигает челюстями.

Слезы все равно пробиваются. Он тихо плачет и ест. Слезы текут. Манная каша становится соленой.

Костя представляет, что это макароны по-флотски. Так лучше. Вкуснее.

Мальчик с некрасивым лицом, по имени Рома, уплетает кашу быстрее всех и просит добавки. Его хвалят и даже гладят по голове.

— Вот как надо есть! Учись! — говорит воспитательница.

Послушание детей она измеряет в том числе и количеством употребленной пищи.

Рома улыбается.

— Да, учись! — говорит он и неприятно смеется.

Косте обидно. Он помнит, как этот Рома однажды объяснял одной девочке, в чем заключается разница между полами. Девочка все не понимала, что он имеет в виду.

— Ну, смотри, — вздохнул Рома и стянул штаны...

На девочку эта сцена не произвела почему-то особенного впечатления. А вот Костя задумался о чем-то. И думал долго.

Когда выходят на прогулку, Костя не идет к качелям и не пинает о стену мяч. Он стоит на детской площадке и всматривается в горизонт. По одному исчезают другие дети, а он остается. Солнце плюхается за линию крыш. Площадка уходит в тень. Холодает. А он стоит, не шевелясь, и смотрит на благословенную калитку. В садике у Кости только одно развлечение: ждать родителей. Больше он ни о чем думать не может. Он так молчалив и грустен, что другие дети его сторонятся.

— Вот дурной, — говорит воспитательница, — хоть бы шевелился как-нибудь...

Костю обычно забирают последним...

Только Рома мог заставить Костю оторвать взгляд от калитки. У него есть волшебное средство. Он подходит близко к Косте и говорит: «Забодаю». Звучит угрожающе. Костя нехотя играет в салки.

Иногда они разговаривают.

— Когда-нибудь, — говорит Рома, — когда-нибудь я обязательно убегу из садика. Вот увидишь.

Костя не верит.

— Нельзя отсюда убежать!

— Можно, там дырка в заборе есть! Смотри...

И Рома подводит Костю к забору и действительно показывает дыру, в которую может протиснуться собака или ребенок.

— А почему ты не бежишь? — спрашивает Костя.

— Мне и здесь хорошо. А станет плохо — убегу, — сообщает Рома.

Костя запомнил эту дыру. Иногда он смотрел на нее и мечтал, мечтал.

Однажды он решился. Но сначала, по дружбе, подошел к Роме и предложил сбежать вместе. Рома задумался.

— Нет, — сказал он, — на полдник будет запеканка.

Запеканку Костя не любил.

— Пока, — сказал Костя и пожал Роме левую руку. Почему-то он считал, что здороваться нужно правой, а прощаться — левой.

Он не думал о том, что его могут поймать, остановить, и о том, что это опасно. Он просто шел домой и шел. Шел, потому что считал, что имеет на это полное право. Однако темп старался держать бодрый.

Костя перешел через дорогу. Никто не обращал на него внимания. Костя внимательно смотрел под ноги. Этому учила его мама.

У своего подъезда Костя замер. Он не знал, как попасть внутрь. Что делать — сел на скамейку перед дверью и стал ждать. Там его обнаружила бабушка. Разразился скандал.

Воспитательница вроде бы получила выговор из роно. Костю решили пока придержать дома. А потом бабушка вышла на пенсию. И согласилась сидеть с Костей.

И тут неожиданно Косте стало ясно: побег удался!

Костя был счастлив. Представлялось, как он нежится в кровати и играет до тех пор, пока руки не устанут держать солдатиков.

Когда родители ушли на работу, а Костя, счастливый, лежал в постели, его подняла бабушка.

— Давай вставай! Быстрее, лежебока!

Костя стал протестовать, но бабушка была настроена серьезно. Оказалось, у нее составлен объемный список дел, которые они должны вместе сделать.

— Но, бабушка, — всхлипнул Костя, — я... я не хочу.

Бабушка встала, заложив руки в боки.

— А тебя никто не спрашивает — хочешь ты или не хочешь. Надо — значит «надо»! До Кости донесся гул раскатывающегося вдалеке грома.

— Завтракать! — скомандовала бабушка.

Костя встал и поплелся на кухню. Ноги подкашивались.

— Приятного аппетита! — сказала бабушка, ставя на стол тарелку.

В ней была манная каша.

КРЕПКИЕ СЕРДЦЕМ

Папа всегда много пил. Образ отца, лежащего на диване с бутылкой пива, крепко отпечатался в памяти. Иногда в его руках появлялась книжка. Трезвым он читал интеллектуальную литературу. Например, Достоевского. Но чем больше пива он выпивал, тем ниже становились его вкусы. Если отец валялся с томиком Чейза в руках, значит, дела шли еще более-менее. Но когда он брался за дешевый русский детектив в бумажном переплете, я предпочитал из квартиры уходить. Это означало — папа готов.

Впрочем, отец считался спокойным алкоголиком. В смысле — детей не бил. А вот матери иногда доставалось. Не столько физически, сколько психологически. Тут, наверное, сказывалась любовь к Достоевскому.

С отцовским пьянством боролись, как могли, но, конечно, ничего не срабатывало. Пару раз его клали в больницу и чем-то там прокапывали.

Когда я спрашивал, где отец, мать отвечала:

— Он в больнице. Его прокапывают.

Я представлял себе это так: отец (почему-то абсолютно голый) сидит в большом помещении, отделанном белым кафелем. Над отцом висит гигантский смеситель. Оттуда время от времени отделяется огромная, размером с человека, капля и падает на отца. Отец вздрагивает, но стойко принимает испытание...

Отец возвращался из больницы веселый и подтянутый. Брался за работу. Но через месяц-другой снова запивал.

Иногда мы разговаривали с ним по душам.

— Папа, — спрашивал я, — а почему ты пьешь?

— Потому что жизнь, сынок, тяжелая штука, — отвечал отец.

Мне казалось, что это не совсем так.

— Но ведь можно не пить.

— Можно и не пить, но лучше — пить.

Возразить что-то я не мог.

Бабушка тоже боролась с отцовским пьянством. Ходила к колдунам, например. В то время они только появились. Вернее, вылезли из подполья. Ну, или где там при советской власти были колдуны?

Одного бабушка нашла по объявлению.

— Поехали, — сказала она и взяла меня с собой.

Мы ехали долго на стареньком бордовом автобусе марки ЛиАЗ. Мне эти автобусы очень нравились. Двигатель у них спереди, и летом водители поднимали крышку и ездили с открытым мотором — чтобы не перегревался. Я с любопытством смотрел, как работают шестеренки. А еще в ЛиАЗе удобное сиденье, как в метро — боком по ходу движения. Оттуда, повернув голову, можно хорошо видеть, куда едет автобус, и представлять себя немножко водителем.

Но когда мы ехали с бабушкой к этому колдуну, автобус оказался переполнен, а дорога была долгая. Я устал, ныл и канючил.

— Ну вот, — сказала бабушка, — мы же едем папу спасать, а ты так себя ведешь! Для того чтобы ему помочь, мы должны пройти череду испытаний.

Я почувствовал, как кровь приливает к щекам.

— А это тяжелые испытания?

— Разные. Но ты должен укрепиться сердцем.

— Как это?

Бабушка вздохнула.

— Долго объяснять. Но ты не бойся, — сказала она. — Вместе мы со всем справимся.

Я напрягся, думая, что так мое сердце обязательно укрепится. Потом я еще представил себе маленьких человечков, которые внутри меня заливают сердце жидким бетоном — укрепляют...

Офис колдуна находился в обычной трехкомнатной квартире, переделанной в кабинет и приемную. На скамейках у стен сидели люди. Кто-то стоял. Народ все прибывал. Мне еще бросилось в глаза: кругом одни женщины. Обсуждали в основном собственные болячки и неверных мужей.

— Приговорить его надо! Приговорить! — слышал я и убирал голову в плечи. Мне почему-то казалось, что речь идет о смертном приговоре.

Но потом все это приелось, стало напоминать очередь в поликлинике. Не хватало только плаката «СПИД не спит!». Я заскучал.

Наконец вызвали нас.

Мы вошли в небольшой кабинет, обклеенный типичными советскими обоями. У окна стоял полированный румынский стол. За ним сидел человек в потертом пиджаке с черной клиновидной бородкой. Напоминал он инженера средней руки. Когда мы вошли, колдун прищурился.

— Садитесь, — сказал он.

Перед ним стоял только один стул, поэтому я отправился в угол, на кушетку. На колдуна я старался не смотреть — на всякий случай.

— Что у вас? — спросил он.

— Да вот, — сказала бабушка, — сын пьет.

— Фотографию принесли?

Бабушка порылась в сумке и достала фотографию, на ней отец был совсем молодым — еще без усов.

— Это актуальная фотография? — спросил колдун.

— В смысле?

— Ну... Он сейчас так же выглядит?

— Да. А как же?

Колдун посмотрел на бабушку недоверчиво. Я решил помочь.

— Вообще-то, — сказал я, — у него сейчас усы.

Бабушка шикнула на меня. Колдун улыбнулся.

— Молодец, мальчик, — сказал он.

Мне стало приятно. Колдун взял фотографию и поднес к носу. Он смотрел на нее, двигая бровями. Потом вздохнул.

— Не знаю, — сказал колдун, еще раз посмотрев на фотографию, — может, и не получится...

— Почему? — взволновалась бабушка.

— Фотография неактуальная. Поле прослеживается не так четко. Не знаю... Возможно, потребуется несколько сеансов.

Бабушка молчала. Она напряженно думала.

— Ну, так что? — спросил колдун.

— Пробуйте, — сказала бабушка.

Колдун сел обратно за стол, положил перед собой фотографию и стал упорно таращиться на нее. Казалось, он хочет глазами сделать дырку. Выглядело это достаточно забавно, потому что колдун хмурился и шевелил губами, становясь в такие моменты похожим на лешего из одной детской книжки. Выглядел он вовсе не страшно, а смешно. Я даже хихикнул один раз. Бабушка снова на меня шикнула.

Потом колдун стал совершать круговые движения руками и бубнить что-то ритмичное. Теперь процесс полностью соответствовал моему представлению о магических ритуалах. Я сидел спокойно, понимая, что момент ответственный.

Продолжалось шоу минут десять. В какой-то момент колдун шумно выдохнул и передал фотографию обратно.

— Вот, — сказал он, — держите.

— Это все? — спросила бабушка.

— Да, — сказал колдун.

— И как? Сработало?

— Сейчас сложно сказать. Нужно время. Идите домой и проследите за ним.

— Хорошо, — сказала бабушка.

— Если все будет, как раньше, приходите снова.

— Бесплатно? — спросила бабушка.

Колдун нахмурился.

— Нет, — сказал он, — но на второе посещение у нас пятипроцентная скидка...

Бабушка осталась недовольна. Мы вышли.

— Смешной этот колдун, — сказал я, когда мы шли к остановке.

— Нет, — сказала бабушка, — не смешной.

— А по-моему, смешной.

Бабушка снова меня отчитала, сказав, что мальчикам в моем возрасте уже пора начать отличать зерна от плевел.

Хорошо, — сказал я, пристыженный.

К сожалению, колдовство не сработало. Бабушка еще пару раз обращалась к колдунам. Правда, к другим почему-то. Эффект тот же. Нулевой.

Видимо разочаровавшись в магии, бабушка прибегла к помощи церкви. Она стала ходить в храм неподалеку и ставила свечи к какой-то иконе. Это ее надоумила соседка. Сказала, что икона всегда помогает матерям пьющих детей.

— Мне помогла, — сказала соседка.

— Как? У тебя же он пьет!

— Это он сейчас пьет. А до этого не пил.

— Долго?

— Месяца три.

Вообще-то бабушка считалась яркой коммунисткой и, кажется, даже состояла в партии. В свое время, конечно. Но это не помешало ей в первый день поставить свечи к каждой иконе в храме. А к нужной она поставила три.

— Бог любит троицу, — объяснила она.

Мне в церкви понравился запах, а вот тетка, продававшая свечи и долго что-то объяснявшая бабушке, мне понравилась гораздо меньше. Выглядела она как настоящая ведьма и внушала больше ужаса, чем давешний колдун.

Бабушка в церковь зачастила, хотя отец по-прежнему пил и почитывал русские детективы. Она настолько увлеклась, что подумывала причаститься и причастить заодно меня. Я боялся, потому что тогда мне пришлось бы сознаться во многих грехах. Например, что я однажды украл у матери из кошелька десять рублей.

К счастью, до этого не дошло.

Последнее испытание, которое я прошел, было связано с чтением акафиста. Об этом ей опять рассказала соседка.

— Я читаю акафист три раза в день, и это очень помогает.

— Что, не пьет?

— Пьет. Но гораздо меньше...

Бабушка поговорила об акафисте с ведьмой в церкви, и ведьма соседку поддержала. К сожалению, вскоре выяснилось, что читать акафист должна не только бабушка, но и другие члены семьи.

— Маму мы просить не будем, — сказала мне бабушка, — она занятая. А вот ты акафист можешь почитать...

Читать мне тогда не очень нравилось. Особенно вслух.

— А можно, — спросил я, — мне что-нибудь другое почитать? Сказку или, там, стишок?

— Нет, — сказала бабушка.

После этого выяснилось, что акафист — это книжка без картинок. Страниц на тридцать. Когда я это узнал, то расплакался.

— Ладно, — сказала бабушка, — можешь прочитать не весь акафист, а только начало.

Вытирая слезы, я начал читать. Через полчаса мои муки кончились.

— Ну вот, — сказала бабушка, — правда весело?

— Нет, — сказал я.

— По идее, — сказала бабушка, — его надо читать три раза в день.

Я опять заплакал.

— Хорошо, — сказал бабушка, — одного раза, может быть, хватит.

Я читал акафист пару летних месяцев. Отец пил, а меня мучила совесть. Дело в том, что акафист я читал без свидетелей и поэтому частенько халтурил. Перескакивал со строки на строку, пропускал абзацы, а иногда и целые страницы. Осенью я и во все перестал его читать.

- Прочитал? — спрашивала бабушка.
- Да-да, — говорил я.
- С выражением?
- Конечно!

Бабушка успокаивалась. Пару раз я пробовал все-таки читать акафист как положено, но это оказалось выше моих сил. Иногда я снова пытался представить себе человечков, укрепляющих мое сердце, но в фантазиях обязательно случалась какая-то авария на производстве. Проливался бетон, рушились леса, срывался с верхоуры один из рабочих...

«Нет, — думал я, — вряд ли у меня получится помочь папе бросить пить. Ведь я сам слаб. А вот кто бы помог мне сделать математику?»

Математику приходилось делать самому.

А потом надобность в чтении акафиста отпала. Нет, папа пить не бросил. Он просто ушел жить в другую семью.

Надеюсь, я здесь ни при чем.

ШВЕДЫ

Школа находилась в трех минутах ходьбы от дома.

На линейку в День знаний Костя опоздал. То ли родители что-то перепутали, то ли проспали. Он вошел в новый класс, когда все уже сидели за партами, — и, конечно же, все тридцать пар любопытных глаз тут же уставились на него.

Костя залип. Он не ожидал такого внимания к своей персоне. Ноги не двигались. Учительнице пришлось взять его за руку и подвести к свободному месту. Рядом сидела девочка с огромным бежевым бантом на голове. Она надменно посмотрела на Костю. Он медленно отвел от нее глаза. Огляделся. Позади сидел какой-то чернявый пацан с оттопыренными ушами. Он ударил его пару раз линейкой по спине. Костя улучил момент и ударил его в ответ по рукам. Пацан обрадовался.

- Давай дружить! — сказал он.
- Давай, — сказал Костя, — только линейкой не дерись.
- Нет, — сказал пацан, — это важная часть дружбы.

И снова огрел его линейкой.

Позже он представился: Дима Иванов. Ладно, решил Костя, запомню.

Мама дала ему с собой печенье-сэндвич. На перемене Костя преломил печенье с Димой. Они хрустели им и улыбались.

Вскоре Костя освоился. Девочка больше не казалась страшной. Выяснилось, что ее высокомерие было вызвано тем, что она остолбенела от страха... Другие школьники тоже оказались более-менее нормальными.

Только учеба Косте не нравилась. Лучшее в учебе — перемена.

Дружить с Димой было весело. Однажды он притащил в школу презерватив, и они его долго рассматривали.

— Если налить в него воду и бросить с крыши, будет здорово, — сказал Вадик Зиновьев. Почему-то он считался спецом по презервативам и всему такому. Они тут же решили проверить точность его слов. Налили воды и выкинули трофей с четвертого этажа. Презерватив бухнулся на асфальт и взорвался.

— Ого! Это же настоящая водная бомба!

Решили продолжить эксперименты, но тут в туалет пришла завуч — и первоклассники получили первое в жизни замечание. А Вадик Зиновьев — второе. Пару дней назад он забегал в туалет к девочкам. Это считалось величайшим проступком, куда более тяжелым, чем бросание презерватива в окно.

Дни тянулись, как урок по труду.

В третьем классе в школе ввели шведский язык. Детей заставили его учить. Те ничего не понимали и плакали. Костя тоже плакал, хотя ему нравились шведский флаг и Астрид Линдгрэн.

По шведскому у него была тройка.

И вот однажды прошел слух, что в школу собираются приехать шведы.

Настоящие.

Готовиться к этому начали за месяц. На фасад прикрепили табличку с надписью «Образовательное учреждение с углубленным изучением шведского языка». На следующий день ее украли школьные хулиганы. Тогда директор собрала учеников в спортивном зале и сказала, что, если табличку не вернут, она всех отдаст в спецприемник. Костя не знал, что такое спецприемник, но было страшно. Почему-то стало казаться, что все думают, будто это он украл.

Вечером табличка стояла у кабинета директора.

На этом преобразования не закончились.

В столовой повесили белые занавески. Скоро они приобрели желтоватый оттенок, но это даже придало им изящества. В гардеробе покрасили стену зеленой краской. Три дня из школы не могли выветрить ее ядреный запах. Говорят, географичка даже потеряла сознание. Но возможно, причиной обморока стали нервы.

Учителя действительно ходили сами не свои. Срывались на детей. За одну неделю Костя трижды стоял в углу. Один раз, конечно, по делу: нечего кукарекать на уроке. Но вот другие два раза... Впрочем, вскоре угол ему даже понравился. Он вставал туда, как домой приходил.

Потом стало известно, что шведы придут в пятницу. Лучших учеников отбирали для школьного концерта. Сценарий, говорят, писала сама директриса, Светлана Игнатъевна. У нее тонкие руки и ярко-красные губы. Костю она презирала.

В концерт его, конечно, не взяли. Это почему-то не понравилось бабушке. Она считала, мальчик достоин участия в гала-представлении. Тамара Ивановна пришла к классной руководительнице и долго ругалась с ней, демонстрируя медаль «За оборону Ленинграда», хотя при чем здесь медаль?

Костю согласились прослушать. Он читал басню Крылова «Ворона и лисица». Накануне они долго репетировали с бабушкой. Костя выступил неплохо. Хотя и оговорился в конце. Вместо «Спой, светик, не стыдись!», сказал: «Спой, пестик, не стыдись!» Возможно, он думал об огнестрельном оружии. К счастью, на это не обратили внимания.

Директор сказала, что читает он хорошо, но в концерте его все же не будет.

— Почему? — спросил Костя.

— Басня идеологически не выдержанная, — сказала директор.

Костя ничего не понял. Дома он рассказал, что отбор не прошел.

— Почему? — спросила бабушка.

— Басня слишком старая, — сказал Костя.

— Тоже мне — модернисты, — сказала обиженная бабушка. С тех пор директор стала для нее едва ли не главным врагом.

Впрочем, Костю все же хотели задействовать. Он должен был в день приезда вручать в школьном холле цветы проходящим иностранцам. Директриса сказала, что у Кости интеллигентный вид.

— Какой вид? — переспросил Костя.

— Уши у тебя не оттопыренные! — сказала завуч. Видимо, это было важно.

Иностранцев Костя себе представлял слабо, даже не был уверен, что они обладают схожими с людьми характеристиками. Вполне могло статься, что у них три ноги, две головы или хвост...

Весь четверг Костя учился правильно подавать цветы. Выяснилось, что это тяжелая и ответственная миссия. Существует не меньше пяти десятков способов вручить цветы шведской делегации. Большая часть из них — неправильная.

Пятница стала необычным днем. Школа благоухала и цвела, как невеста перед свадьбой. Перила украсили искусственными выюнами. В портрет Ельцина на стене кто-то воткнул гвоздику. Трудовик снял коричневый халат и надел белый (что придало ему определенное сходство с хирургом). Волшебным образом в холле появился оркестр. Это были агрессивные заспанные подростки. Барабанщик ударил палочкой Диму Иванова, когда он подобрался поближе, чтобы разглядеть инструменты. Дима Иванов на коробке футбольных фантиков поклялся ему отомстить.

Учеников построили при входе. Директор внимательно осмотрела детей.

— А это что? — сказала она и показала на Костю.

— Это я, — сказал Костя.

— Нет. ЭТО!

Оказалось, дело в штанах. На перемене они с ребятами играли в фантики. Косте везло, он выиграл почти десять штук и торжествовал. Играли в рекреации, сидя на коленях. Штаны потеряли товарный вид.

— Убрать! — распорядилась директор.

— Но...

— Убрать!

Так Костя в первый раз в жизни пострадал из-за чрезмерного увлечения азартными играми...

Он расстроился, но потом Дима Иванов его убедил, что ничего страшного не случилось.

— Так даже лучше, — сказал он, — меньше ответственности.

Странно, что в таком возрасте он знал слово «ответственность».

— Бабушка расстроится, — сказал Костя.

— А ты ей не говори...

Он был по-своему мудрым, Дима Иванов...

На каждой перемене Костя выбегал в холл, чтобы посмотреть — не приехали ли шведы. Но шведов не было. Оркестр скучал и расплывался. Учителя переставляли цветы в кадках с одного места на другое. Покусились даже на пальму, но она оказалась слишком тяжелой.

Когда начался четвертый урок и все были на взводе, по классу прошел слух, что шведы уже приехали. Откуда он взялся — сказать сложно, потому что из класса никто не выходил. Но все вдруг стали перешептываться: «Шведы здесь, шведы здесь, шведы...» Наверное, нечто подобное испытывали русские солдаты под Полтавой. Появилось радостное возбуждение. Даже учительница не смогла продолжить чтение. Она поправила кофточку.

— Посмотрю, что там, и вернусь, — сказала она и выбежала.

Весь класс тут же прильнул к двери. Коридор выглядел пустынно. Двери в другие аудитории тоже приоткрылись. На них висели ученики из параллельных классов. Стали показывать друг другу языки. Все учителя куда-то делись. Деревья качались за окном.

Тут, вероятно, поднялся шум, потому что в коридор пришла незнакомая учительница и гавкнула так, что пришлось скрыться в классе.

Все сели за парты и стали тревожно ждать. Дима Иванов мечтал.

— Надеюсь, — сказал он, — нам привезут жвачку.

— Какую жвачку?

— Ты что! Они всегда привозят подарки!

— Подарки? Ты серьезно?

— Конечно! Беглов из пятого «Г» рассказывал, в прошлом году приезжали американцы и выдали всем сосиски в банках, шоколад, сухое молоко и жвачку.

— Сухое молоко невкусное, — сказала одна из девчонок.

— Ты ничего не понимаешь, — сказал Дима. — Его нужно ложкой есть.

Костя стал мечтать о жвачке и шоколаде. Сосиски в банках его мало интересовали.

Решили по очереди отправлять в холл разведчика. Наконец раздался приглушенный возглас: «Идут! Идут!»

Весь класс бросился к своим местам. Все вытянулись по струнке, даже руки сложили перед собой. Вернулась учительница. Всем хотелось жвачку.

— Какие интересные эти иностранцы! — она была взволнована не меньше учеников.

Юля Чурина подняла руку.

— Ирина Федоровна, скажите, а шведы... они какие?

— Красивые, — сказала Ирина Федоровна, закатывая глаза.

Их класс — самый последний в коридоре, напротив туалета. Все ждали, что вот-вот откроется дверь, и прекрасные шведы впрорхнут в аудиторию, словно ангелы. Но шведов не было. В коридоре раздавались голоса, смешки, потом они стали затихать. Сомнений не оставалось: шведы удалялись. Учительница встревожилась.

— Пойду проверю, — сказала она.

Она вышла за дверь, а все тут же соскочили с мест и рванули подглядывать. В небольшом проеме Костя увидел, как три или четыре белые фигуры удаляются по коридору. Боже! Они действительно напоминали ангелов.

— Херувимы, — сказала Чурина.

— Дура, чего ругаешься? — осадил ее Дима Иванов.

— Неужели это и есть шведы? — сказал кто-то за Костиным ухом.

— Куда же они? — расстроился Дима.

Ирина Федоровна догнала их, что-то им сказала, улыбаясь, услышала ответ... потом она развернулась и пошла обратно. Все снова вернулись на места. Но уже не так резво.

Учительница молча вошла в класс. Выглядела она сурово. Из глаз едва ли не искры летели.

— Все! Берем учебники! Занимаемся!

Чурина протянула руку.

— Ирина Федоровна, а где же шведы?

— Нет шведов. Шведы ушли...

По классу пронесся разочарованный вздох.

— А как же жвачка? — охнул Дима Иванов. Глаза у него покраснели, но он держался, не плакал... А вот Чурина всплакнула, закрыв лицо руками. Неизвестно, что она там себе вообразила. Может, сосиски в банках?

Учительница сказала, чтобы она пошла в туалет и привела себя в порядок.

— Немедленно! — Ирина Федоровна разрежала воздух рукой, словно саблей.

Вадик Зиновьев тоже поднял руку.

— А можно и мне?

На него шикнули.

Чурина, не прекращая реветь, вышла из класса, и мы еще какое-то время слышали ее громкий плач.

Это всех немного развеселило, и класс уже думал о том, какая глупенькая эта Чурина, а не об обиде на иностранцев. Дольше всех грустил Дима, но потом, на перемене, дал пинка собиравшему вещи барабанщику и убежал, непойманный, быстрый, гордый. Барабанщик очень злился и потрясал кулаком. Тут уже все окончательно забыли о шведах.

ФОТОГРАФИЯ

В четвертом классе я влюбился в классную руководительницу. Впрочем, не очень сильно. Кроме нее, мне еще нравилась Вика Зайцева, с ней я сидел на русском и литературе. Но она била меня линейкой по рукам, когда я хотел у нее списать. Чувствам тяжело раскрыться в таких условиях.

Ирина Федоровна поддерживала хорошие отношения с моими родителями и, особенно, с бабушкой. После уроков они говорили о моих успехах. Или о неудачах. О неудачах чаще. Ирина Федоровна советовала, что нужно подтянуть в первую очередь. Бабушка называла меня «наш оболтус». Мне все это не нравилось.

Зато Ирина Федоровна узнала, что я люблю читать, и как-то дала на месяц книгу Льюиса про Нарнию. «Льва, Колдунью и платяной шкаф» я полюбил. Кроме того, книга хранила тонкий цветочный аромат духов Ирины Федоровны. Ах, Ирина Федоровна, ах. Я втайне гордился тем, что между нами установились такие отношения...

Как-то на перемене Вадик Зиновьев отвел меня в сторону и достал из кармана брюк несколько хлебных крошек и смятую фотографию.

— Смотри, — сказал он, улыбаясь и обнажая ряд завалившихся вперед зубов. Они напоминали забор у гаражей.

Я вгляделся в снимок. На нем голая женщина в откровенной позе лежала на двухспальной кровати. Стало не по себе, я смутился и покраснел, но оторвать взгляд оказалось невозможно. Я чувствовал себя как Христофор Колумб, увидевший далекую землю. Это было сродни великому географическому открытию.

— Ну как? — спросил Вадик.

— Интересно.

Он убрал фотографию.

— У меня еще есть!

— Много?

— Много.

— Показывай!

Но Вадик — бизнесмен. Он согласился продать мне их по среднерыночной цене. Он продемонстрировал кое-какие образцы. Я взял паузу для размышления. Первая женщина понравилась мне больше других.

Пришлось экономить на завтраках. Через три дня фотография оказалась у меня. Вадик передал ее, как в фильме про шпионов — тайком, вложенную в учебник по литературе. Там как раз был текст про гнев Ахиллеса, мы проходили Гомера. Такая вот ирония.

Не знаю, как так получилось, должно быть, что-то смешалось в моем рюкзаке, но фотография выпала из учебника и попала в книжку про Льва и платяной шкаф. А может, кто-то надо мной так подшутил. Сложно сказать.

Я вернул книгу Ирине Федоровне, ничего не подозревая. Она пришла домой и открыла книгу. И увидела фотографию. А может, фотография просто выпала из книги, когда она собиралась поставить ее на полку. Не знаю.

Дома я перерыл рюкзак, но так и не нашел то, что искал. От ужаса у меня задержался глаз. Оставалась надежда, что фотография затерялась по дороге. Но скорее всего, и я это понимал, она у моей классной руководительницы.

Она позвонила вечером. Я вздрогнул от телефонного гула. Он звучал угрожающе. Мне как-то сразу стало понятно все, и я, прощаясь, посмотрел в окно на привычную улицу, деревья, машины...

Мать взяла трубку. Я сидел в кресле и старался слиться с обивкой, как хамелеон. Не вышло. Мама вытащила меня из него и устроила крик. На шум вышла бабушка.

— Что случилось? Что происходит?

Я надеялся, что мама оставит происшедшее в секрете, но нет. Вместе с бабушкой они задали мне хорошую трепку. Обошлось без рукоприкладства, но с точки зрения психологии это даже страшнее.

Меня строго наказали. Мама прочитала долгую лекцию о вопросах морали и этики. Бабушка сказала, что дети, которые так себя ведут, попадают в ад.

Чтобы от меня отстали, пришлось расплакаться. Это всегда срабатывает.

Вечером я подслушал их разговор. Вообще они редко трепались. Но тут, видно, решили сделать исключение.

— Это все из-за бесстыдного поведения его отца! — кричала мать.

— Отца? Только ли отца? — отвечала бабушка. Это она намекала на то, что мама не очень хорошо относится к своим обязанностям. Кастрюли, например, с вечера не моет. И уроки не проверяет. И чистоту ушей у нас с Пашкой.

— Так мало того, у детей еще и бабушки нормальной нет! — отвечала мать. Она умела поддеть собеседника.

В общем, они поссорились.

На следующий день я пришел в школу, как побитый пес. Неудобно перед учительницей. Да, еще никогда мне не было так страшно входить в эти двери. Я представлял, как Ирина Федоровна начнет отчитывать меня перед всем классом. А класс будет смеяться. Я так этого боялся, что у меня ноги подгибались.

Едва я вошел, Ирина Федоровна строго посмотрела на меня, как пронзила копьем. Я даже почувствовал настоящую боль где-то в груди. Но нашел в себе силы осторожно подойти к ней.

— Извините, — сказал я, смотря в пол. Линолеум в классе порядком поистерся.

Она тоже старалась не смотреть в мою сторону.

— Надеюсь, что этого больше никогда не повторится.

— Конечно, — сказал я, — конечно, не повторится!

Я искренне надеялся, что такие провалы бывают лишь раз в жизни.

— Садись.

Я замялся.

— Только хотел спросить... а фотографию вы не отдадите?

Лицо Ирины Федоровны вспыхнуло. Я отступил.

— Это я потому спросил, что хочу ее... сжечь.

— Я сама ее сожгу, — сказала Ирина Федоровна. И грозно захлопнула школьный журнал.

Я сел за парту и весь день боялся поднять на учительницу глаза. И она была холодна со мной. Стало ясно, что-то между нами потеряно, какая-то важная связь. Я сидел и грустил.

Ирина Федоровна быстро нашла себе утешение в объятиях учителя физики Кирилла Михайловича. Он иногда приходил к нам на уроки, сидел на задней парте, улыбался. Он был низкорослый, лысоватый и добродушный. Мне он не нравился. Я презирал его.

Ах, Ирина Федоровна, ах.

В ЧУЖОМ УГЛУ

Однажды Костя поехал с родителями в гости. Эти поездки он очень уж не любил. Там было так скучно, что хоть спи. Кроме того, там существовала одна надоедливая девочка, мнительная, да еще и некрасивая.

В метро Костя слышал, как мать попросила отца вести себя хорошо.

— Я хочу, чтобы ты был трезвый, как стеклышко!

Геннадий Яковлевич пожал плечами.

— В смысле — остекленевший?

Костя смутно почувствовал какой-то подвох.

Приехали в центр. Прошли черными дворами. В углах копошились коты.

Наконец пришли. В большой коммунальной квартире блуждали люди. Кухня, старая, с темно-зелеными стенами, была заставлена мебелью и посудой. В углу батарея пустых бутылок.

Родители расположились в комнате. Начали выпивать, пошли тосты. Кажется, праздновали чей-то день рождения. Во главе стола красовался чан с винегретом. Костя винегрет презирал. Все стали предлагать ему что-то съесть, он стеснялся и краснел. Наконец довольствовался бутербродом со шпротой. Шпрота, виляя хвостом, норовила выскочить на пол и упрыгнуть в щель.

Девочка подобралась к Косте.

— Привез чего-нибудь?

— Нет, — сказал Костя, жуя, — разве я должен что-то привезти?

Девочка сделала недовольное лицо. Носик ее вздернулся.

— В гости приходят с подарками!

Косте стало неловко. Он порылся в карманах, достал жвачку.

— Вот, — сказал он, — держи.

— Оставь себе! — сказала девочка с неожиданным гневом и, фыркая, ушла.

Костя так и сделал. Запихнул жвачку обратно.

Он посидел немного за столом, покопавшись для вида в «оливье». «Оливье» отличался от домашнего, был почему-то рыжего цвета. Костя попытался посмотреть телевизор, но взрослые заслоняли весь мир. Пришлось улизнуть на кухню. Здесь было относительно тихо и пусто. Курили на лестнице.

Костя сел в углу и принялся смотреть в окно. Ничего не было видно. Темень. Фонарь. Кажется, снег или густой пепел падает с неба.

Тут вышла соседка со сморщенным лицом. Платье на ней было цветастое. Фиолетовые розы украшали его.

— Сидишь? — спросила она, ставя чайник на плиту. Ее плита была самая чистая.

— Сижу, — вздохнул Костя.

— Чаю хочешь?

— Нет, — сказал Костя, хотя очень хотел.

Женщина поставила перед ним тарелку с пряниками.

— Угощайся.

Костя сглотнул слюну.

— Я не голоден.

— Ладно тебе. Ешь.

Костя принялся покусывать пряник.

— А что ты так сидишь? Хоть бы книжку какую взял...

— Какую?

— Ну, сейчас.

Женщина куда-то ушла. Потом вернулась.

— Вот, — сказала она, протягивая Косте засаленное издание в твердой зеленой обложке.

— «Оливер Твист», — прочитал Костя.

— Очень полезная книга, — сказала женщина, наливая ему чай.

— Картинок нет, — сказал Костя печально.

— Привыкай так. Сколько тебе лет?

— Десять.

— Уже пора, — твердо сказала женщина.

— Я вот недавно про Нарнию читал, — сказал Костя, надеясь найти поддержку.

Но женщина про эту книгу не слышала.

Костя поблагодарил ее. Она налила чаю и ушла.

— Полежу, — сказала она.

Костя вздохнул и стал читать. «Оливер Твист» действительно оказался интересной книгой. Хотя некоторые слова Косте были непонятны.

Входная дверь иногда хлопала. Это взрослые ходили курить. В кухню заглянула его мама, Елена Михайловна.

— Как ты? Нормально? Не скучаешь?

— Скучаю, — честно ответил Костя, — когда мы домой поедем?

— Скоро.

Она ушла.

Потом пришла эта девочка. Села на стул рядом и принялась играть со своей куклой. Она делала это нарочно громко. Так, по крайней мере, показалось Косте.

Читать больше не получалось.

— Хочешь пряник? — спросил Костя.

— Это не наши, — сказала девочка.

— Да, это мне ваша соседка дала.

— Мне нельзя у нее ничего брать, — сказала девочка.

— Почему?

Девочка пожала плечами.

— Вы еще долго здесь будете? — спросила она.

— Не знаю, — ответил Костя, — но я очень хочу домой.

— И я хочу, чтобы вы домой уехали.

— Хорошо бы.

Девочка убрала куклу.

— А твой папа тоже много пьет?

Костя пожал плечами.

— Как сказать...

— Мой — много, — сказала девочка, — его мама за это ругает.

Костя вспомнил, что мама отца тоже часто ругала, но ему почему-то не захотелось об этом говорить.

— Нет, — сказал он, — мой папа вообще практически не пьет.

— Никогда?

— Пива может выпить на Новый год. Или кваса.

— А сейчас он что делает? Не пьет?

Костя заерзал на стуле.

— Ну, он же в гостях...

Они разговорились и стали болтать о том о сем. Пару раз на кухню снова заглядывала Елена Михайловна. Геннадий Яковлевич не появлялся. Костя снова спрашивал маму, скоро ли они поедут.

— Скоро, — неизменно отвечала она, а в последний раз добавила: — Надо дать родителям шанс повеселиться.

— Вот видишь, — сказала девочка, — повеселиться. Они пьют и веселятся.

— Можно и так веселиться.

— Можно, — девочка встала и начала прохаживаться по кухне. — Я вот попробовала как-то коньяк. Мне не понравилось.

— Когда это? — спросил Костя.

— На Новый год. Когда со стола убрали. Вообще он невкусный. А пиво ничего так. Если с солью.

— Не знаю, — сказал Костя, — не пробовал.

Входная дверь опять хлопнула. Потом еще раз. Раздался звон разбитой посуды. Кто-то дрался. Бойцов полезли разнимать. Едва не упал шкаф. Один из гостей держался за губу. Женщины кричали.

Костя вскочил, не зная, что делать.

— Сядь, — сказала девочка, — сейчас они успокоятся.

Она продолжала играть с куклой, как будто ничего не случилось.

И действительно, прошла, наверное, минута — и все стихло.

— Вот видишь! — девочка улыбалась. — Хочешь, я стащу у них коньяк?

— Нет, — сказал Костя, — не надо.

— Скучный ты, — сказала девочка и зевнула.

Тут пришла Костина мать и сказала, что им пора идти.

— Что случилось? — спросил Костя. Она махнула рукой, но ничего не сказала. Костя увидел, что у отца разбита губа.

Мать натянула на него куртку — он даже пикнуть не успел. Отец шатался, но молчал, что уже было неплохо.

Вышли на снег, и Костя вспомнил, что забыл отдать соседке книгу. Она так и осталась у него в руках.

— Надо вернуть! — сказал он.

— Нет, — ответила мать, — в другой раз.

Костя молча заплакал, на него накричали. Пришлось вытирать слезы и, опустив голову, тащиться до метро.

Но метро уже было закрыто. Сгущалась ночь, повалил снег. Поймали машину кое-как. Разгоряченный отец долго спорил с водителем о цене. Потом побежал в круглосуточный — покупать пиво. Мать и Костя сели в машину, на заднее сиденье. Хотелось спать. Пахло бензином.

— И долго он там? — все спрашивал нетерпеливый водитель, посматривавший на дверь в магазин. Наконец отец появился, правда, не один, а в компании еще двух крепких молодых людей. Он отбивался от них, одного даже повалил на землю, правда, другой тут же пришел товарищу на помощь.

Елена Михайловна выскочила из машины. Костя остался. Он смотрел на эту сцену сквозь мутное стекло проржавевшего автомобиля. На улице происходило что-то вроде ритуального танца. Четыре человека плясали друг против друга, поднимали руки, странно сгибали ноги.

— Мне проблемы не нужны, — неожиданно сказал водитель, — парень, давай-ка вылезай отсюда!

Костя медленно покачал головой.

— Сказали сидеть...

— Вылезай, кому говорят!

Костя выбрался на улицу. Машина взвизгнула и уехала в ночь. Косте было очень страшно, но активные боевые действия уже закончились. Отец лежал

в снегу, мать пыталась его поднять, а те двое будто исчезли. Может, вернулись в магазин?

Елена Михайловна вдруг замерла.

— Сумка... Моя сумка...

Оказалось, что она оставила ее на заднем сиденье, рядом с Костей.

— Что ты вылез, — накричала на него мать, — я же тебе сказала: в машине сидеть...

Костя собрал все силы в кулак и не заплакал. Было очень обидно, но он держался.

— Я вас пошел спасать, — сказал он.

— Эх, было бы их не двое, я бы им показал! — сказал Геннадий Яковлевич, поднимаясь.

К счастью, денег в сумке было мало. А документы мама с собой взяла.

Тут уже Костя хлопнул себя по лбу.

— Книга! Я книгу в машине оставил!

На него внимательно посмотрели.

— Какую еще книгу?

— «Оливера Твиста»!

Мать махнула рукой.

— Почитаешь другую... Все равно уже не вернешь.

Посоветовавшись, решили вернуться и ночевать у друзей. Опять повалил снег. Родители угрюмо молчали и шли. Отца пошатывало. На особенно скользких местах он пару раз чуть не грохнулся.

Косте было очень стыдно возвращаться в дом, откуда он только что забрал книгу, которую тут же потерял. Но на улице оставаться тоже не хотелось — холодно.

Хозяева были не то чтобы особенно рады видеть их компанию, как показалось Косте. Им постелили в коридоре и в комнате. Пока шли приготовления, а мужчины допивали остатки, Костя опять встретился с девочкой.

— Вернулись... — сказала она и вздохнула.

— Попали в переделку.

— Всегда у вас так!

— Разве?

Девочка ничего не ответила. Костя приблизился.

— Слушай, — сказал он, — я книгу вашей соседки потерял. Что делать?

— Ничего.

— А где ее комната?

Девочка показала.

— Ты к ней не ходи. Она ведьма.

Костя насторожился.

— Не похожа.

— А ты думал, она с метлой будет расхаживать?

— Ну и ладно. Что она, меня съест?

— Съест, может, и не съест. Но облизет всего, например...

— Бр-р-р! — сказал Костя. Конечно, он не поверил девочке. Он знал, что она врет.

Девочка медленно кивала головой. Мол, всякое бывает.

Но Костя решил. Он дошел до конца коридора и постучался в дверь.

Что-то зашуршало.

— Кто там?

— Это я... мальчик с кухни.

Шуршание усилилось.

— Заходи, мальчик с кухни.

Дверь скрипнула. Костя увидел небольшую комнатку. Светила красная лампа под потолком. У стен стояли стеллажи с книгами. Можно сказать, они составляли весь интерьер.

— Вы меня простите... Даже не знаю, как сказать... Я нечаянно книгу вашу в машине оставил.

Костя виновато опустил голову.

Соседка укуталась в ветошь.

— Ладно. Бывает. Возьми потом в библиотеке и дочитай. Диккенс — великий писатель.

Костя оживился.

— Мне сразу понравился!

— Отлично!

Костя не знал, что делать дальше. Остаться? Уйти?

Он спросил:

— А Шишкин вам нравится?

Соседка усмехнулась.

— А что?

— Мы, оказывается, его родственники. Представляете?

— Да что ты!

— Да. Прабабушка у него служила. Наверное, помогала ему рисовать. Что-то в таком роде. Ну и вот.

— Это прекрасно, — сказала соседка, — такие истории, конечно, случались. Чего только не бывает! А с книгами нужно все-таки аккуратнее обращаться. Книги — это самое важное, что у нас есть.

— Я вам в следующий раз что-нибудь тоже принесу. «Хоббита», например. Или «Короля Артура».

— Ну, принеси.

Они расстались друзьями.

Девочка ждала его на кухне.

— Ну как она? Колдует?

— Нет. Сидит. Читает.

Девочка расстроилась.

— Скрытная.

— А мне она понравилась, — сказал Костя. — Вот еще мне книгу дала.

— Что это? Какой-то Зош...

— Зощенко.

На девочку это не произвело впечатления.

— Слушай, а хочешь коньяк попробовать?

— Нет, — сказал Костя.

— Давай! Это вкусно...

Костя вспомнил, что она говорила до этого.

— Это я шутила, — сказала девочка. — Тут вон есть.

Она ловко перелила остатки алкоголя из разных рюмок в одну.

— Попробуй.

Костя попробовал немного и стал плевать.

— Тьфу! — сказал он, — какая гадость!

Девочка тоже глотнула.

— А по-моему — ничего. Похоже на лекарство. Только пить нужно осторожно.

— Нет, — сказал Костя, — пить это я никогда не буду. Как они это пьют?

Девочка взяла его за руку.

— А поцеловать меня не хочешь?

— Нет, — честно сказал Костя.

— Дурной ты какой-то, — сказала девочка. — Дурак, честное слово. Коньяк не нравится, целоваться не хочешь. Какой от тебя толк?

Тут она резко поцеловала его в щеку и убежала. Поцелуй был слюнявый.

Он посидел еще немного на кухне, пожимая плечами. Вверх-вниз. Вверх-вниз. Он так всегда делал, когда думал. Потом мать его позвала, и он отправился спать, правда, заснуть долго не получалось. Он все думал о странной девочке на кухне, о снежной метели и об Оливере Твисте.

АФЕРА

Денег не хватало. Мама давала на обед, но слишком мало. Я мог купить песочную полоску, компот и еще жвачку в ларьке. Если деньги придержать пару дней, то удавалось приобрести что-нибудь существенное. Лимонад. Или шоколадку. Что-то большее — вряд ли, экономить долго не получалось.

В седьмом классе я мечтал купить игровую приставку. Стал клянчить у родителей. Мама посмотрела на меня с недоверием.

— Ты и так уроки не делаешь, а если я тебе еще приставку куплю?

Я пообещал, что буду учиться хорошо.

— Ладно, — сказала мать, — закончи год без троек, тогда...

Дальше я не слушал. Закончить год без троек нереально. И пробовать не стоило.

Новый год остался позади, день рождения еще не скоро, богатых родственников на горизонте не наблюдалось... Пришлось копить самому. Я сходил в магазин, посмотрел, сколько стоит приставка. Посчитал, сколько дают на обед и сколько можно сэкономить, отказавшись от полоски «Песочная». Получилось без малого три месяца. Слишком много! Но другого варианта не было.

Спустя две недели я открыл копилку, чтобы подсчитать богатство, и схватился за голову — удалось собрать жалкую мелочь. Куда же делись остальные деньги? Я так расстроился, что на два часа впал в депрессию. В общем, требовалось что-то еще. Нужна была находка. Свежая идея! Я предложил выносить мусор за деньги, но надо мной посмеялись и заставили выносить мусор за просто так.

Тут подвернулся случай. Учительница вернула всему классу собранные за поход в театр деньги.

— Театра не будет, — сказала учительница.

— Почему? — спросила Юля Чурина. Ей вечно было больше всех надо.

Учительница замаялась.

— Там у них ЧП. Здание, кажется, сгорело.

— Надеюсь, никто не пострадал? — тут Чурина побледнела.

— Седьмые классы пострадали, они должны были на «Мастера и Маргариту» идти.

Итак, у меня в руке оказались кое-какие деньжата. Неплохо. И тут я подумал: а что если не возвращать это богатство? Если сказать матери, что я действительно ходил в театр? Идея была блестящая.

Вечером я очень волновался. Все продумал в деталях: на какой спектакль ходил («Стойкий оловянный солдатик»), кто играл главную роль и какого цвета занавес.

За ужином я настороженно ел суп, волновался и пытался не выдать себя. В один момент мне показалось, что я ужинаю слишком быстро, и стал есть нарочито медленно. Потом решил, что ем чересчур медленно, и принялся махать ложкой. На маму глаза не поднимал.

— Как театр? — вдруг спросила она.

— Х-хорошо, — сказал я, втягивая голову в плечи.

Мама кивнула. Такой ответ ее устроил. «А как же вопросы про занавес?» — подумал я.

По радио тем временем шла какая-то передача. Говорили про политику. Ведущий был очень оптимистичен. Обещал, что к лету в стране все будет хорошо.

— Вот врут, — сказала мама, закуривая.

Я встрепенулся.

— Кто врут? Я не вру!

Тут я вспомнил поговорку, которую проходили пару уроков назад: про вора с шапкой. Покраснел. Взял в руки ложку.

— Это я сценку репетирую...

Мама смотрела на меня настороженно, но головой кивнула. Мол, принято.

Афера прошла. Часть сокрытого я тут же потратил. Решил, что деньги все равно лихие, так зачем отказывать себе в удовольствии? На приставку все равно не хватало...

Я купил большую двухлитровую бутылку лимонада, три пачки печенья, ирисок и сидел, покачиваясь, на качелях.

На следующий день у меня начался жуткий диатез, мама решила, что это аллергия на яичный белок, и исключила из рациона яичницу. Ну и ладно.

Прошло еще немного времени, и я понял, что второй раз судьба не преподнесет такого подарка. Следовало действовать.

Тогда я придумал аферу с абонементом. Вечером сказал матери, что школа приглашает учеников седьмых классов на экскурсии. Абонемент на шесть посещений разных дворцов. Сумма выходила приличная. Почти хватало на приставку.

— Что-то дорого, — сказала мама.

— Не я же цены выдумываю...

— А какие дворцы?

Я напрягся.

— Строгановский, Шереметевский, Романовский...

— Что еще за Романовский дворец?

Вот же дурак, такое случайно ляпнуть!

— Ну, дворец, где жили Романовы...

— Эрмитаж, что ли?

— Наверное...

Мама закурила и раскрыла кошелек.

— Что не сделаешь ради просвещения!

Странно, когда мама отдавала деньги, я не испытал радости. Скорее наоборот. Отчего-то стало совестно. Будто кто-то дергал за штанину: «Эй, остановись!» Такое неприятное чувство — хоть мойся иди.

Но я собрал волю в кулак и переборол себя. Ура! Деньги свернул трубочкой и убрал. Подумал, что нужно бы маме цветы купить. Эта мысль меня немного успокоила. Но сны снились все равно страшные. Да и про цветы я как-то забыл.

Покупать приставку сразу было бы верхом идиотизма. Я выжидал. Выжидал и торжествовал втайне. Теперь можно не экономить на завтраках и вообще вести барский образ жизни! Однажды я проигрался в фантики и не расстроился. А когда старшие в школе отобрали талон на обед, то пошел и купил новый. Хорошо быть богатым!

Для того чтобы не попасть впросак, я читал в энциклопедиях о разных дворцах. Брал в школьной библиотеке книги по истории Петербурга. Допрашивал учительниц. Меня даже стали принимать за отличника и заставили сделать доклад на районной олимпиаде. Доклад я сделал и получил за это яркую грамоту. Меня похвалили и поставили в пример другим. Раньше такого не случалось.

В дни «экскурсий» я шлялся по двору часами. Погода иногда была чудовищная. Но делать нечего, приходилось приберегать алиби. Один раз я сильно промочил ноги и на следующий день заболел. «Ничего, — говорил я себе, — это того стоит».

Прошел месяц с хвостиком. Пора! Я открыл копилку и увидел, что денег на приставку все равно не хватает.

Тогда я вдруг вспомнил, как брал отсюда то одну бумажку, то другую, то сразу несколько. На лимонад, на новые вкладыши, на пистолет, увиденный в «Культтоварах».

Нужно было что-то делать. Тогда я пошел к маме и начал рассказывать о новой серии экскурсий. Теперь школьникам собирались показать храмы города.

Мама смотрела на меня со скепсисом. Она закурила, громко чиркнув спичкой.

— И сколько стоит?

Я отвел глаза в сторону.

— Пятьсот.

— Сколько?

— Четыреста пятьдесят...

— Нет, — сказала мама, — таких денег у меня нет. И не проси. Давай сами в Спас на крови съездим в выходные. Его как раз открыли недавно.

Я махнул рукой. Все понятно. Остаток денег я спустил в игровых автоматах.

И тут бы этой истории закончиться, но нет. На выпускном в том году лучшим ученикам торжественно вручали дипломы от отдела образования. Мне тоже должны были вручить. Как участнику исторической олимпиады. Это было достижение. Ведь раньше если мне что в школе и доставалось, так это вызовы на педсовет. А тут — триумф.

Разумеется, мама решила лично присутствовать. Бабушка тоже проникла в зал. Они сидели порознь. Стояла изумительная майская погода. И даже птички чирикали за окном. Загнанные в актовЫй зал школьники скучали. Директор вручила несколько дипломов, а потом представители отдела образования вручали всякие дипломы ей. Она любила яркие бумажки.

Я вышел за дипломом и споткнулся, едва не упав. Все рассмеялись. Даже представитель отдела образования. Светлана Игнатьевна тоже вздохнула.

— Все у тебя, Костя, через пень-колоду.

— Спасибо, — ответил я.

После церемонии мама подошла к учительнице. Они разговорились. А я поблел. Это могло быть опасно. Мама все ходила вокруг да около, а потом вдруг выпалила:

— Спасибо за экскурсии... Мальчик так интересно рассказывал про Шереметевский дворец! Я уверена, этот диплом он получил только благодаря этим поездкам.

Учительница медленно повернулась в мою сторону. Одна ее бровь поползла вверх. Она словно из пистолета стреляла.

— Каких еще экскурсий??!

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Костя открыл глаза и увидел небо, необычайно контрастное, как будто нарисованное взбесившимся подражателем Матисса. Огляделся, вскочил с кровати и принялся искать подарки. Начался его день рождения. Подарков он не нашел. Прикусив губу, залез обратно под одеяло. Стал размышлять: почему нет подарков? Должны ведь быть.

Успев немного пообижаться на своих грубых, невнимательных родителей и усилием воли остановить поток слез, он решил, что пора вставать. Тут в комнату вошла мать, энергичная, радостная. За ней отец, выглядевший необыкновенно свежо,

у него даже усы были как-то удачно огранены — такое случалось крайне редко. Последовали поцелуи.

Мама сидела на краешке кровати и улыбалась. Отец мелькал на заднем плане, постоянно трогая руками то стул, то стол, то висевшую над головой полку.

— А вот и подарок, — сказала мать.

Она протянула Косте ярко упакованную коробку, и Костя долго боролся со скотчем, который держал тайну крепко, как шпион.

— Не надо зубами-то, — успела вставить Елена Михайловна.

Но Костя уже победил, ошметки отправились куда-то вниз, на пол.

Костя замер. У него на коленях лежала книга. Огромная, как плато.

«Мифы Древней Греции» — было написано на ней. Костя опять принялся мять губу, а глазки бегали, бегали...

— Это книга, — сказал он неожиданно проявившимся басом.

— Да, — сказала мама, — и посмотри, какая чудесная!

Она перевернула том. На обратной стороне тоже была обложка. На ней надпись: «Мифы Древнего Рима».

— Правда, здорово? — спросила она, — нет, ну правда, здорово?

Костя пожал плечами.

— Да, — сказал он, — здорово... Вот только...

Родители внимательно смотрели на него.

— Вот только я мечтал о ковбойской шляпе.

Тут началась какая-то ругань, пошли нотации. Все сводилось к тому, что родители и так слишком много делают для такого безответственного, ленивого и, получается, неблагодарного мальчика!

Костя расстроился, пытался удержать слезы, сощурившись до такой степени, что его лицо приобрело противоестественное выражение, как будто он съел лимон и одновременно его ударили под дых.

Схема была примерно ясна. Его отругали. Он заплакал. Его пожалели.

— Извините, — сказал Костя, когда буря прошла, — книга — хороший подарок.

— Ее можно читать с двух сторон, — сказал зачем-то отец.

— Спасибо, — сказал Костя, стараясь выглядеть тактичным и воспитанным.

Родители переглянулись.

— Кстати, — сказала мать, — у нас еще один подарок для тебя заготовлен...

Костя оживился. У него даже руки самопроизвольно задвигались.

— Его отец заберет, когда будет вечером возвращаться с работы.

Это уже было другое дело! Костя даже едва не крикнул: «С этого и нужно было начинать!», но сдержался.

Все разбрелись.

Костя заглянул к бабушке. Она сидела в кресле с сигаретой в руках и смотрела по черно-белому телевизору «Утреннюю почту». Костя откуда-то знал, что ей очень нравится Игорь Николаев.

Она обняла его и поцеловала, оставив мокрый след на щеке. След Косте причинял некое беспокойство, словно царапина, но стирать его нельзя ни в коем случае. Он знал.

— У меня для тебя тоже есть подарок, — сказала бабушка. Она сделала ловкую паузу и полезла куда-то под кресло. Костя едва усидел на месте. У него в голове опять начала кружиться карусель всех тех возможных прекрасных вещей, обладателем которых он вот-вот может стать.

Бабушка извлекла полиэтиленовый пакет, застиранный до такого состояния, что логотип и рекламная надпись стерлись и казалось, что у пакета катаракта.

— Вот, — сказала она торжественно — держи!

Костя взял пакет и заглянул опасливо внутрь. Его дернуло. Нет! Вовсе не шляпа, и не ковбойский хлыст, и даже не игровая приставка, о которой он грезит с нового года. Это был ярко-зеленый шерстяной свитер.

— Примерь! — сказала бабушка, улыбаясь.

Костя стал как-то отговариваться, мол, нужно идти, но Тамара Ивановна была настойчива. В этом она знала толк.

— Хорошо, — сдался Костя и покорно опустил голову. Свитер оказался колючим и неприятным.

— Ну вот, — сказала бабушка, — сидит как влитой.

— Колется, — сказал Костя. Ему казалось, будто по нему ползает сотня жуков.

— Свалется — перестанет.

Костя не плакал, он чувствовал свою обреченность. Он знал, тут уж ничего не сделаешь.

Он начал снимать свитер, но бабушка стала настаивать, чтобы он походил в нем «хотя бы пять минут». Костя подчинился.

Собирались на праздничный завтрак. Пашка бегал вокруг стола и норовил стащить пирожное. Ему несколько раз доставалось от отца, но Пашка всякий раз возвращался, крадучись. На Костю он даже не смотрел.

— Поздравь брата! — скомандовали ему.

— Поздравля! — сказал Пашка и тут же убежал, стащив таки сладкое.

— Что это у тебя за странный свитер? — спросила мать.

Костя объяснил. Мама сделала недовольное лицо и выразительно посмотрела на отца. Отец развел руками. Как и Костя, он не знал, что делать с этой властной курьезницей, поклонницей Игоря Николаева.

— Сними-ка его, — сказала мать.

— Будет скандал, — сказал отец, как бы между делом.

— Жарко, — сказала мать, — сними.

Костя стянул свитер с видимым облегчением.

— Колется, — пожаловался он.

— Ужасный свитер, — сказала мать. Она взяла его и отнесла куда-то.

— Хотим мы того или нет, — сказал отец, когда она вернулась, — но нужно позвать Тамару Ивановну.

— Праздничный ужин будет вечером, — сказала мать, раскладывая по тарелкам омлет, — хотя...

Костю сделали посыльным. Костя осознавал торжественность момента. Он был парламентар, великий посол, спешащий к неприятелю с депешей.

Бабушка выслушала слова парламентаря в гордом молчании.

— Я уже завтракала, — сказала она и потрепала Костю по голове.

Костя вернулся.

— Она уже завтракала.

— Ну и что? — вспыхнула мать. — Мы ее приглашаем! Можно и выйти! Оказать честь!

Костя опять ушел. Энтузиазм его стал иссякать.

— Интересная передача, — сказала бабушка, показывая в телевизор. Там люди в национальных костюмах на берегу широкой реки пели частушки.

Костя робко вернулся в кухню.

— Неужели я должна умолять ее на коленях?! — вскрикнула мать.

Теперь парламентаром выступил отец, и у него получилось. Правда, через стенку некоторое время доносились его сдавленные возгласы.

Они вернулись вдвоем. Отец Кости первый, бабушка следом, прихрамывая.

— Явление Христа народу, — сказала Елена Михайловна очень тихо, но так тихо, чтоб было слышно.

— Могу уйти, — тут же среагировала Тамара Ивановна.

— Косте будет приятно, если вы останетесь, — сказала Елена Михайловна.

Это было перемирие в честь праздника. Все сидели за столом и чинно ели.

— А где Пашка? — спросила Тамара Ивановна.

— Убежал, — сказал отец, — он сидеть не умеет.

Тамара Ивановна покачала головой. Она считала, что его поведение целиком на совести родителей.

— Его поведение, — сказала она, — целиком на вашей совести.

Родители Кости это проглотили.

В остальном прошло без эксцессов. Костя боялся, что может начаться бомбардировка тарелками или стрельба чашками. Но ничего. Пронесло.

— Жаль, — сказал Костя, — что мой день рождения не каждый день.

Все засмеялись. Отец потрепал его по голове.

— А ты, наверное, хочешь много подарков!

На самом деле Костя хотел, чтобы родители вели себя мирно и не ссорились друг с другом, но он не смог это объяснить, а потому просто кивнул головой.

Двенадцать лет исполнилось Косте, и он решил, что в этом году больше не будет лить слезы по пустякам.

«Вот если ударят больно. Скажем, по колену — тогда можно плакать. А из-за обиды — нет», — думал он, попивая чай.

В этот же день он торжественно завел дневник и сделал запись:

«Планы на год

1. Не ругаться.

2. Меньше плакать (по возможности).

3. Прочитать Дюма.

4. Выучить муай-тай».

Еще он решил составлять планы на день и написал: «Хорошо отметить день рождения». План ему понравился.

Затем он отпросился погулять.

— Надень свитер, — сказала бабушка, — там холодно.

Откуда-то, словно из воздуха, возникла мать.

— Нет, лучше куртку.

Костя почувствовал, как сгущается вокруг него напряжение.

— Почему бы ему не надеть свитер? — спросила бабушка, принимая позу, удобную для атаки.

— В одном свитере идти неудобно. А джинсовую куртку можно снять, если станет жарко.

— Свитер тоже можно снять!

Мама сделала шаг к полке, на которой лежал тот самый свитер, и пощупала его, как обычно проверяют на рынке товар вдумчивые покупатели.

— Он колется! — сказала мать.

— Ничего подобного! — крикнула бабушка.

Мама медленно повернулась к ребенку, держа свитер в руках.

— Костя, он колется, скажи?

Костя оказался в западне. Ловушка! Ловушка! Он почувствовал себя мышонком, которому придавило лапу. И самое грустное — сыра в мышеловке даже не было.

Он опустил голову и взял свитер у матери.

— Я надену и то, — сказал он, — и другое.

Взрослые замерли. Спорить дальше было бы глупостью. Пришлось смириться.

Косте было очень неприятно надевать и то, и другое, ужасно колючее, гадкое, но пришлось. Он чувствовал важность миссии. Можно и потерпеть немного ради великой цели!

Отец уехал по делам. Что-то ему нужно было сделать в конторе. Костя отправился гулять вместе с Димой Ивановым. Мама дала ему кое-каких денег на лимонад и печенье, поэтому Костя пребывал в наилучшем настроении, несмотря на колющийся свитер.

— Че это ты так вырядился? — спросил его Дима. — На улице жара!

Действительно, листья уже распустились, были зелеными-зелеными, настоящими. Правда, ветер нагнал облака, они застелили небо тонкой, но плотной простыней. Но все равно было тепло, уже едва ли не по-летнему.

— Долго рассказывать...

— Что предки подарили?

— Так... по мелочам.

— Не, ну что?

— Книгу.

Дима не поверил.

— Книгу? И все?

Костя вздохнул и соврал, придумав на ходу еще несколько игрушек.

— И робота подарили? Дашь посмотреть?

— Конечно! — сказал Костя, сразу же придумав, что Диме он потом объяснит, мол, робот сломался.

Они побродили по двору. Попили лимонад, покачались на качелях. Вообще ничего не происходило и было даже скучнее, чем в обычные дни.

«Вот так всегда, — думал Костя, — ждешь день рождения, ждешь, а он приходит какой-то не такой».

— Скучно, — сказал Дима и ушел домой. Костя еще немного покачался один. Качели скрипели.

Вечером ждали отца. Он должен был вернуться к семи, к праздничному ужину. Стол был накрыт. Особое место на нем заняли бананы. Мама спросила Костика накануне, что ему приготовить особенное.

Костя подумал.

— Приготовь толокенную кашу.

— Что?

— Помнишь, ты раньше делала такую — очень вкусная.

— Я даже не знаю, смогу ли я такую сейчас найти...

В итоге Косте достались бананы.

Костя съел уже три, а отца все не было. Мама сделала несколько звонков. В конторе трубку никто не брал. На складе его видели три часа назад.

— Ушел, — сказала мама, — бывает. Может, подарок тебе ищет...

Но лицо у матери было странное.

Подождали еще. Паша ушел к себе, а бабушка и не выходила. Сидели за столом вместе с матерью. Молчали. Гудел телевизор.

— Мама, — сказал Костя, — а может, пойдем на автобусную остановку его встретим?

— Не знаю, — сказала мама, надевая очки, — думаю, это не лучшая идея.

— Ну, пойдем! Пожалуйста!

Оделись и вышли. Костя опять натянул на себя и свитер, и куртку.

— Спарисься, — шикнула мать.

Костя только покачал головой, мол, нет.

Добрели до остановки. Начинались белые ночи. По крайней мере, вечер был белый-белый. Но фонари все равно горели, правда, не все. Вдалеке мигал желтым светофор. Приехал автобус. Стали выходить люди. Отца не было.

— Может быть, — сказала мать, — его задержали дела, и он не придет сегодня.

Костя не верил.

— У него бывают командировки, ты же знаешь, — говорила она.

— Он поехал в командировку без чемодана?

Мама молчала.

Приехал еще один автобус. Опять повалил народ. Но уже меньше. Какой-то дяденька в бежевом плаще немного напоминал папу.

— Пойдем? — спросила мать.

— Нет, — сказал Костя, — я буду ждать.

Мама вздохнула. Ей-то уже все было ясно. Да и Косте тоже, но он стоял из-за упрямства. Ему не хотелось так просто уходить.

— Думаешь, он не придет? — спросил Костя.

— Думаю, нет.

— Как тогда, да?

Она вздохнула.

— Наверное, его срочно отправили по делам.

Иногда отец пропадал на неделю, две, месяц. Мама объясняла, мол, у отца дела. Но по обрывкам разговоров Костя уже давно понял, что все не так просто. Куда-то он уходит, где-то живет.

— Пьет там! — говорила мать шепотом подругам по телефону.

Костя себе это очень ярко представлял.

— Я тебе завтра подарок куплю, — сказала ему мать.

Костя молчал.

— Какой ты хочешь? Ты говорил — шляпу?

— Ладно, мам, — сказал Костя, — не переживай. Не нужна мне шляпа...

Он обнял ее, и они пошли домой.

Перед сном он устроился на диване и стал читать. Пашка уже уснул, и читать было приятно. Книга оказалась интересной, но мысли бродили, путались. Неожиданно для себя он заплакал, и слезы, крупные, быстрые, падали на изображение Зевса.

Зевс хмурился.

САМЫЙ ЛУЧШИЙ

Когда я перешел в шестой класс, то получил то ли двенадцать, то ли пятнадцать двоек подряд. Они сыпались со всех сторон, я только дневник успевал учителям подносить. Уже и не знаю, что со мной случилось, наверное, такая полоса. Если по математике и, допустим, английскому плохие оценки еще можно оправдать, то по музыке и рисованию вряд ли.

По музыке вообще никто и никогда не получал ниже четверки. Мне же двойку поставили за то, что я снял со стены портрет Чайковского и погнался с ним за Вадиком Зиновьевым — он мне надоел (Зиновьев, да и Чайковский тоже, если честно). А тут, как назло, учительница вошла в класс. Сразу начались крики, слезы, причитания.

Она села, ее губы дрожали.

— Если бы ты знал, на какого гения покусился!

Я лично не считал Вадика Зиновьева гением, поэтому сидел за партой и смотрел вниз. Кроссовки порвались сбоку.

А на рисовании я подрался с Толей Рудневым. Не знаю почему. Просто мы сидели друг против друга, корчили рожицы, смеялись, а потом начали драться. Прямо на уроке. Я больно его саданул. Но и мне досталось, я поцарапал бок о парту, а он мне пару раз попал по щеке. Учительница по рисованию вызвала завуча, и нас доставили в специальный кабинет, куда доставляли всех плохих учеников, — в учительскую.

— Продолжишь в том же духе, — сказала завуч, — вылетишь из школы как миленький.

Я представил себе эту картину. Стало страшно. Я боялся вылететь из школы — не хотелось расстраивать родителей. Да и летать я не умею...

В моем дневнике написали эпическое послание. Страницы на три. Я его даже читать боялся — представлял, сколько там лжи и неправды. Я шел домой грустный и думал о том, что никто меня не понимает. Вообще никто. Даже я сам себя не очень понимаю, если честно.

На мое несчастье, отец оказался дома. У него тогда начались непростые времена. С бизнесом что-то пошло не так. Он ходил дома в протертом сине-коричневом халате, курил, в руках у него были бутылка пива и книжка в мягкой обложке. Выглядел он внушительно и недобро шевелил усами, если бывал в плохом настроении. А плохое настроение у людей, разгуливающих целый день в халате, нередко.

— Давай-ка проверю твой дневник, — сказал он, и я почувствовал холод в желудке, как будто айсберг съел. Делать нечего. Я дал ему дневник, а сам улизнул в туалет. Это единственное место в квартире, где можно уединиться. Я закрыл щеколду и сидел на унитазе, головой уткнувшись в дверь. Сейчас я жалел только об одном: я не черепаха и у меня нет прочного панциря. Также втайне я надеялся на то, что отцу будет лень проверять дневник. Ну или что он читать не умеет.

Но нет.

Отец все прочитал.

— ЧТО ЭТО ЕЩЕ ТАКОЕ!!!

Из комнаты послышался рев, а в моей голове промелькнула мысль: скрыться через вентиляционную шахту или в крайнем случае через слив в унитаже.

Послышались шаги. Тревожно скрипел паркет. От ужаса я почувствовал тошноту.

— КАК ЭТО ПОНИМАТЬ???

Нас разделяла лишь тонкая дверь. Я пробормотал что-то. Кажется, «Сейчас выйду». А может, что-то другое. Но отец, видимо, не мог ждать. Он рванул дверь на себя, и хрупкая щеколда, закрученная всего лишь на два шурупа вместо четырех, поддалась его обаянию.

Передо мной стоял отец, огромный, величественный, гневный полубог нашей маленькой квартирki.

Я думал, сейчас он всыплет мне ремня, а он просто бросил дневник в мою сторону. Попал в лицо. Вышло больно и обидно.

— Четыре по литературе — это все равно что два! — гавкнул он и удалился на кухню.

Я посмотрел в дневник. Совсем забыл! На последнем уроке я успел получить четверку за пересказ Паустовского. Про замечания он ничего не сказал. Может, действительно не заметил.

Я выбрался из туалета.

— Извини...

— Неделя без телевизора, — сказал отец, не глядя в мою сторону. Он нагнулся к холодильнику, достал бутылку пива и открыл ее о столешницу...

Мама с папой нечасто разговаривали. Из-за разницы интересов, наверное. Я вообще не понимаю, что их могло объединять. Только если я. Но я плохой объединитель. Потому что я сам, как говорит бабушка, не цельная личность. Думаю, дело в этом.

Папа любил пиво, футбол и чтение. Мама много времени проводила на работе. Иногда отец тоже начинал работать. Это время мне нравилось больше всего. Мой уровень свободы в такие дни возрастал. Но больше всего я ценил, когда его и вовсе не было дома. Такая вот третья фаза отцовской жизни. Обычно она продолжалась неделю или две. Реже — месяц. Мать говорила, что отец запил. Бабушка молчала и дулась на всех.

Как-то она вызвала меня к себе в комнату. Очертания мебели выплывали из клубов дыма.

— Твоего отца не ценят в этой семье, — сказала она, надув губу.

Я поддакнул.

— Поэтому он и уходит. Есть места, где ему лучше.

Я постарался представить это место. Вообразил лагуну, пляж, баркас, качающийся на волнах...

— Ты уже большой мальчик, и я должна тебе кое-что сказать...

Мне не хотелось это слушать. Я сам хотел на пляж, к баркасу.

— Твоя мама о нем плохо заботится. Она и о вас с Пашкой плохо заботится!

— И слава богу! — сказал я. Мне не нравилось, когда обо мне заботились хорошо.

Отец действительно часто отсутствовал. Видимо, в другом месте о нем заботились лучше. Хотя когда он возвращался, тихий, спокойный, похожий на собаку, забытую кем-то на улице, то выглядел не очень свежо.

Вскоре отец снова сидел дома и попивал пивко. Днем, когда мама на работе, он звонил из коридора разным людям. Женщинам в основном:

— Алло, позовите Таню.

Или:

— Алло, Надю, пожалуйста.

Отец делился с ними чувствами. Жаловался на меня. Или на маму. Часто шутил. Иногда даже привирал. Впрочем, у него неплохое чувство юмора, и я с радостью подслушивал такие разговоры. А отец, наверное, думал, что мне не до этого. Или вообще обо мне забывал.

Однажды двадцать третьего февраля отец ушел рано утром из дома. Сказал, на работу. Перед этим я подарил ему открытку с танком и странным шестируким солдатом в гимнастерке. Все это я сам нарисовал.

— Это ты, — сказал я отцу.

— А почему так много рук?

— Потому что ты — самый лучший.

Отец растрогался и пообещал, что вечером привезет какой-нибудь подарок. Открытку он, правда, оставил на телефонном столике.

— А подаришь ковбоя? — спросил я.

Мне тогда очень нравился Чарльз Бронсон.

Папа задумался.

— Возможно.

Вечером вернулась мать, а отца все не было.

— Где папа? — спросил я.

— Хотела бы и я знать!

Я насторожился.

— А он вернется?

Мать молчала. Она курила и читала газету. Ее пальцы почернели от типографской краски.

Стемнело рано. Я сидел на подоконнике и смотрел в окно. Передо мной лежала тетрадка, куда я записывал, кто проезжал по улице. Движение было не очень оживленное. Я все ждал автобуса, на котором должен приехать отец. Когда из-за поворота показывался один, я начинал нервничать. «Это он, это наверняка он», — думал я. Но отец не приезжал и не приезжал. В десять часов мать уложила меня спать.

Я не плакал, пока она не оставила меня одного.

В начале марта я заболел. Очень сильно. Температура подскочила до сорока градусов. Мама переживала, да и бабушка тоже. Я обычно любил болеть: валяешься весь день в кровати, никакой школы, смотришь телевизор... показывали «Гром в раю» с Халком Хоганом. Но тут мне стало плохо. Голова кружилась, один раз я пошел в туалет и упал в коридоре. После этого мне запретили ходить.

Через пару дней стало лучше. Мать отправилась на работу: она не могла взять больничный, бабушка ушла получать пенсию, брат был в школе. Я лежал один в квартире, мне очень хотелось пить, но сил для того, чтобы сходить на кухню, не было.

Тут раздался звук открывающейся двери.

— Бабушка, ты?

Но я услышал знакомый отцовский кашель. Затем появился он, небритый, и глаза странно блестят.

— Я думал, ты в школе, — сказал он и внимательно на меня посмотрел.

Я сказал, что болею.

Он потрогал мой лоб. Рука у него была шершавая.

— Горячий, — сказал отец, — хочешь чаю?

Я кивнул. Вообще-то я сердился на него, но не сильно.

Он вскипятил чайник, вернулся в комнату. От него крепко пахло.

— Я сделал с медом, — сказал он.

— Спасибо, — ответил я, хотя терпеть не мог мед. Однако чай оказался вкусным. Я пил его с удовольствием. Отец все это время сидел на краю кровати. Руки у него подрагивали. Иногда он кашлял.

— Тоже болеешь? — спросил я.

— Можно и так сказать...

Молчать отчего-то было неловко.

— Ладно, — сказал он, — пора собираться.

— Ты куда?

— Так... командировка.

— Далеко?

— Не-а.

Он собрал кое-какие вещи в сумку. Я заметил, что он берет фотографии из семейного альбома.

— А это зачем? — спросил я.

— Чтобы не скучать в командировке.

— Понятно.

Он огляделся, словно проверяя, не забыл ли чего. Наклонился и поцеловал меня в лоб.

— Ну, пока. Не скучай. Ключи я здесь оставлю. На всякий случай.

К горлу подкатил комок.

— Папа, ты забыл открытку. К двадцать третьему февраля.

— Разве?

— Да. Она на столике.

Он подошел к телефону, взял в руки открытку, повертел ее, раскрыл. Лицо будто стало темнее. Он шмыгнул носом. Отвернулся.

— Лучший пишется через «ч», — сказал он куда-то в сторону, — уже почти тринадцать лет, а писать нормально не научился!

Я хотел сказать, что никакой разницы нет, но не стал.

— Спасибо, — сказал он, — пока.

Я кивнул.

Отец постоял еще немного, а потом ушел. Дверь он прихлопнул.

ПЕРЕХОДНЫЙ ВОЗРАСТ

В летнем лагере Юля Орловская была в моем отряде. Я видел ее до этого. Кажется, она посещала секцию вокала в бывшем Доме пионеров. Я занимался каким-то творчеством по настоянию бабушки. Юле исполнилось восемнадцать. Она казалась мне зрелой, опытной женщиной. Когда я ее видел, у меня дыхание сбивалось.

К сожалению, шансов на взаимность было немного. Мой любовный опыт сводился к робким поцелуям в подъезде соседского дома, игре в бутылочку под Новый год и просмотру порнофильмов. Моя гавайская рубашка оказалась слишком цветастой, а Кинчев на моей футболке мог распугать вообще всех девушек. Я пытался оказывать ей какие-то знаки внимания и даже робко ухаживал... впрочем, без особого результата.

Но все же решил не сдаваться, а бороться до конца. По всем фронтам! Решил показать, какой я взрослый, и стал курить. Сигареты не показались противными. Наоборот, в них было что-то загадочное и бодрящее. Хотя, «Nord Star», по правде говоря, отдавал укропом.

Впрочем, на Юлю это не произвело большого впечатления. Как-то я курил в укромном месте за столовой, а она проходила мимо.

— Ого! — сказала она. — Не знала, что ты куришь...

Я постарался придать себе независимый, деловой вид.

— Конечно!

— И давно?

— Да уже несколько лет. Бросал вот.

Юля вздохнула.

— Удивительно. Я думала, ты здесь один нормальный человек, некурящий. Ну да ладно...

Она пошла дальше. Мне почему-то казалось, что наш разговор будет не таким.

На следующий день я решил придать себе еще более взрослый вид. Я взял все деньги, которые привезла мать в родительский день, купил вина и вместе с приятелем Кондратом вылакал его у озера. Водомерки разбегались по глади, как мысли в моей голове. Кондрат задорно пересказывал мне сюжеты лучших румынских порнофильмов. Меня развезло так, что когда мы пошли домой, я потерял Кондрата и с трудом нашел дорогу в отряд. Удивительно, как меня не увидели старшие.

Ночью я проснулся, весь измазанный зубной пастой.

— Это еще ничего, — сказал Кондрат, которому тоже досталось, — в третьей палате, говорят, устроили троллейбус.

Я точно не знал, что такое «троллейбус», но смутно догадывался: не транспортное средство.

Это Саня Филиппов прикалывался. Такое у него чувство юмора, специфическое. Пошатываясь и борясь с наступающим первым в жизни похмельем, я побрел отмываться.

Потом сел на скамейку перед нашим отрядом и закурил. Мне было грустно, и жизнь казалась печальным недоразумением.

Мимо прошел Кондрат. Его пошатывало.

Тут вдруг из отряда вышла Юля и села ко мне на скамейку.

— Угостишь? — спросила она.

Я мысленно затрепетал и протянул ей пачку.

— Красивая ночь, — сказала она.

— Угу.

— А ты чего не спишь?

Я решил не выкладывать на стол все карты.

— Так... Бессонница.

— И мне не спится. Что-то тоскливо на душе.

Она очень красиво затянулась. Как настоящая женщина.

— Знаешь, когда мне бывает так же тоскливо в городе, то я иду в ванную, включаю душ, сажусь и сижу. Долго-долго.

Она напоминала мне Джину Лоллобриджиду.

— М-м-м, — сказал я, — а я в душе книги читаю.

— В душе? Неудобно ведь!

— Если приноровиться — то нормально.

Она посмотрела на меня так, будто я папуас какой-то.

— Тебе книги читать не дают?

— Дают. Но разве в комнате сосредоточишься?

Мы еще о чем-то говорили. Дул приятный летний ветерок, по небу летали космические корабли и тарелки пришельцев. Мы сидели на скамейке и болтали о том, что нам казалось очень важным.

В конце я решился. Я сказал:

— Юля, я все, конечно, понимаю, но предлагаю тебе... как бы это сказать... стать моей девушкой.

Ее брови вытянулись дугой.

— Вот это да! — сказала она. Но без издевки.

— Я люблю тебя, — сказал я вдруг, хотя и не планировал. Это как-то само вырвалось.

Она внимательно на меня смотрела. Можно сказать — изучала. Я старался не шевелиться.

— Это не любовь, — сказала она, — это переходный возраст.

— Нет никакого переходного возраста. Я уже давно, куда надо, перешел.

Она улыбнулась. Улыбка у нее была очень красивая. Она нежно погладила меня по щеке. Когда она это сделала, я едва не забился в конвульсиях.

— Ко мне еще никто так не относился, как ты. Никогда этого не забуду.

Она замолчала.

— Это значит «да»? — спросил я в замешательстве.

— Это значит «нет», — сказала она, — извини, но у меня есть другой.

Я вздохнул. «Наверняка какой-нибудь козел из старших отрядов», — подумал я. Им-то я точно не конкурент.

— Жаль, ведь действительно к тебе того... неравнодушен.

Хотя, скорее всего, я сказал что-то другое.

— Я знаю, — сказала она и поцеловала меня. В щеку.

Меня словно обожгло. Я еще долго ощущал след от ее губ. Она будто клеймо поставила.

— Знаешь что, — сказала она, — оставь мне свой телефон. Я приеду в город и тебе позвоню. Может быть, сходим куда-нибудь.

Я не верил ушам! Взрослая симпатичная девушка спрашивает у меня телефон. Я надиктовал.

— Ну все, — сказала она, — жди звонка.

Она ушла, а я остался один и при тусклом свете качающегося фонаря набросал жалостливое стихотворение. Что-то про разбитое сердце. Осенью его нашел у меня в бумагах брат Пашка — и очень смеялся. Мы подрались. Потом, когда она так и не позвонила, я разорвал его на мелкие кусочки и выкинул...

Но до этого еще было как до луны.

Когда я вернулся в палату, на меня вылупились восемь пар глаз. Ну или сколько там нас, оболтусов, было.

— Ну ты даешь, — сказала Саша Филиппов, — вот это эффект!

— А? — переспросил я.

— Ты что, с Юлькой тусишь, что ли?

— Да нет. Мы с ней просто друзья, — вздохнул я.

— Гигант! — сказал Саша Филиппов. — А ты, оказывается, чемпион!

Я приосанился.

— Да, ребята, рано вы меня сбросили со счетов.

Все пристроились в кроватях. Я мечтал о Юле. Саша Филиппов разглагольствовал о женщинах. Я же смотрел на луну в окне и улыбался. Счастливый и глупый.

ДЕНЬГИ

Вечером в пятницу Костик стащил у матери деньги. Она получила зарплату, и в кошельке лежали новенькие, едва похожие на настоящие купюры. Их было не очень много. Костик не стал считать. Он аккуратно вытащил две и на цыпочках вышел из коридора. Он волновался.

Брать деньги у матери раньше не приходилось. Но так делала вся братва во дворе. Ваня Беглов и Рыжий Антон. Да и другие тоже. Вот Рыжий едва ли не каждый день таскал по сто-двести рублей — и ничего. Правда, у Рыжего папа коммерсант, курит сигары, весь такой деловой. А у Костика мама работает в газете корректором.

Костику стало совестно, но потом он успокоился. Деньги надежно спрятал. Он был уверен, что мама не обнаружит пропажу.

Через час в комнату вошла мама, бледная. Сумку она держала перед собой, словно щит. Села на диван. Костик и Паша смотрели телевизор. Показывали «Спартак» — «Торпедо». Костик сразу все понял. Он почувствовал, как внутри него разверзается черная дыра страха.

— Кто это сделал? — спросила мать.

Костя старался не смотреть на нее, но все равно заметил (или почувствовал), что у нее дрожат губы, скулы, подбородок.

— Кто взял деньги?

В отличие от Костика, Паша внимательно смотрел на мать. На мать и иногда на Костика. Мать сидела перед ними бледная, беззащитная. У Костика не на шутку схватило живот. Пот потек по спине, он почувствовал, как краснеет. Мама повторила вопрос.

Паша молчал. Опыт подсказывал ему, что есть вопросы, на которые лучше не отвечать. Костик же почувствовал, что первая волна страха отступает. Впрочем, вслед за страхом просыпается совесть.

— Это ужасно... — сказала мама, — это просто ужасно... Никак не ожидала... Нож в спину...

Она заплакала, закрыв лицо руками.

— Я не буду с вами разговаривать, пока вы не осознаетесь, — сказала мать. Она успокоилась, перестала плакать и с уверенностью человека, принявшего важное решение, смахнула со щек слезы.

— Это так низко, — сказала она и вышла из комнаты.

Некоторое время братья молчали, смотря на закрытую дверь. Дверь не подавала признаков жизни. Братья зашевелились. Паше на два года меньше. Это худой, энергичный, коротко стриженный сорванец. У него богатое воображение.

— Так это ты взял? — спросил Паша.

— Нет.

— А я думаю, ты.

— Не я.

— А кто? Я не брал.

— Не знаю. Может, потеряла.

Паша усмехнулся. Он подошел к дивану, где еще недавно сидела мать, и картинно на него повалился, заложив руки за голову. Он видел такую позу в одном гангстерском фильме, и теперь жалел, что у него в руках не было сигары.

— Ладно, — сказал Паша, продолжая улыбаться, — хочешь сделку?

Костик встал. Руки он по-прежнему держал на груди.

— Какую сделку?

— Братскую. Я молчу, а ты мне даешь половину. Сколько ты взял? Сто рублей? Двести? А?

Костик с трудом сдержался, чтобы не броситься на брата с кулаками. Да как он смеет! Да как...

— Ты вообще дурак? Ты что такое мелешь? — Костик стал тыкать в него пальцем, словно дулом пистолета.

— Значит, триста, — сказал Пашка и потянулся за лежащим на журнальном столике медицинским каталогом — ему показалось, это интересный жест, — ладно, я согласен на сто пятьдесят. Это по-братски.

— Я ничего не брал.

— Да ну! Я все видел. Сумка лежала в коридоре у телефонной тумбочки. Я обедал на кухне. Ты вышел из комнаты, а я как раз шел в ванную. Я там стоял и все видел. Ты взял.

— Врешь! — Костик осекся на полуслове — еще не хватало, чтобы мать это услышала.

— Ты взял, — сказал Пашка и спокойно улыбнулся.

Тут уже Костик кинулся на Пашку и начал лупить его кулаками, довольно неумело, Впрочем. Паша обладал дьявольской энергией и изворотливостью. Силы оказались примерно равны. Почти равны. Они упали на пол и стали друг друга душить. В партере у Костики больше преимуществ.

— Сдаюсь... — прохрипел Паша, — сдаюсь...

Костик ослабил хватку. Потом отпустил жертву. Пашка выглядел не лучшим образом. Костик встал и начал отряхиваться.

Паша встал и отошел на безопасное расстояние. К двери.

— Ты меня слышал. Мне нужно сто пятьдесят рублей. И руки можешь не распускать. Не дашь мою половину, я все скажу матери. Уяснил?

Костик схватил с пола джойстик и кинул в брата, но тот ловко увернулся и скрылся. Джойстик попал в стену — и треснул. От этого стало еще досаднее.

Потом гнев спал, и Костик стал думать, что делать дальше. Ему в голову ничего не приходило. «Наверное, придется заплатить мелкому», — решил он.

Очень горько, что младший брат его так ловко надул. Положение-то безвыходное. Костик едва не плакал от злости и обиды.

Вечером он отдал деньги.

— Молодец, — сказал Паша, — верное решение.

Костик посмотрел на него с ненавистью. Пашка посчитал купюры и опять отошел к двери.

— Надо было еще набавить рублей тридцать за царапины, но ты все равно драть-ся как следует не умеешь.

Костику было так противно, что он даже не обиделся.

На заработанные деньги Пашка купил сигарет, лимонада и целую упаковку жвачки...

Через неделю братья смотрели по телевизору «Коммандо». Шварценеггер действовал, как всегда, ловко и уверенно. Костику очень нравился этот фильм, и он видел его в пятнадцатый, наверное, раз. Пашка скучал.

И вот в комнату вошла мать. Но теперь она выглядела решительно и грозно, напоминала Немезиду, пришедшую вершить судьбы.

Она, не сказав ни слова, взяла пульт и выключила телевизор.

— Никогда не думала, что выращу себе на голову лгунов и мелких воришек, — сказала она. — У меня раз за разом пропадают деньги. Вы думаете, я не замечаю?

Братья молчали.

— Три раза на этой неделе. На прошлой... Нет, так больше продолжаться не может. Знайте, еще раз... еще раз... и я сдам вас в милицию.

Костик вскочил. Мама смотрела на него, только на него. Взгляд ее был тяжелее любого обвинения.

— Я тут ни при чем! — сказал Костик, но что-то в его голосе сквозило поддельное, и сам Костик это понял.

Мать ничего не сказала и вышла.

Братья остались одни. Паша пожал плечами, взял с тумбочки пульт и включил фильм. Костик подошел к нему, схватил за руку и отшвырнул пульт в сторону.

— Чего тебе? — спросил Паша.

Костя хотел что-то сказать, но не смог.

Завязалась драка. Братья мутузили друг друга не по-детски. Послышался звук разбитого плафона от люстры. В комнату пришла мать.

— Что здесь происходит?

Братья замерли, лежа на полу. Костик сверху.

— А ну-ка прекратить! — закричала мать, сама не ожидавшая, что может так громко кричать.

Костик медленно сполз с Паши. Оба встали. Мама хотела что-то сказать, но промолчала и вышла.

— Надо во всем сознаться, — сказал Костик.

— Я ничего не знаю, — сказа Паша.

— Но ведь ты брал деньги.

— Я ничего не знаю, — упрямо повторил Паша и включил телевизор.

Ночью Костику спалось плохо. Он метался в постели. «Что же я сделал?» — думал он. Ему снились плохие сны. Даже немного поднялась температура.

Утром он пошел в гараж к дяде Вадику. По субботам он всегда торчал там, перебирая части двигателя или тормозной системы своей старой машины. Машина ни-

куда не выезжала, даже лето проводила в гараже. Дачи у дяди Вадика не было. Но в гараж он приходил каждую неделю, как в баню. Они с Костей дружили.

— Здравствуйте, дядя Вадик, — сказал Костик.

— Подай-ка ключ на семнадцать, — сказал дядя Вадик вместо приветствия. Он еще минут пятнадцать ковырялся в двигателе, а потом решил сделать перекур.

— По делам или так? — спросил он. — Что-то случилось? Опять окна в саду разбили? Я сколько раз говорил, сорванцы...

— Да не. Не это.

Костик помялся, шмыгнул носом, побряхтел.

— В общем, это... Тут деньги нужны.

Дядя Вадик не удивился.

— А кому они не нужны! Случилось что-то? В карты проиграл?

Костя даже подпрыгнул.

— Нет.

— В ножички?

— Да не... Что это за игра такая — ножички?

Дядя Вадик даже немного обиделся.

— В наше время была очень популярная, между прочим.

Костик вздохнул.

— Я не могу сказать. Но они действительно нужны. Пойдут на благое дело!

Дядя Вадик посмотрел на Костика, щурясь.

— Знаю я ваши благие дела...

Он достал бумажник, а из него — замусоленную банкноту, на которой кто-то неизвестный ручкой записал чей-то телефон. В нем попадались пятерки и семерки — и Костик как-то сразу понял, что это хороший знак.

— Ты точно никому не должен?

— Нет. Тут ничего криминального.

— Хорошо, — сказал дядя Вадик, — а как отдашь?

— С обедов накоплю.

Дядя Вадик убрал кошелек обратно.

— Подай-ка еще на пятнадцать ключ, — сказал он, забираясь под машину.

Вечером Костик пришел домой. В коридоре было темно. Он тихо пробрался к маминей сумке. Открыл ее, стараясь, чтобы замок не клацал, и положил в отделение с кошельком засаленную купюру. Потом закрыл. И тихо-тихо проскользнул в свою комнату, даже не догадываясь, что дверь в мамину комнату открыта, и она все видит.

ПУТЬ ДОМОЙ

Стоял мороз, светило солнце. Я завис на автобусной остановке — и ни с места. Автобуса не было на горизонте, а без автобуса мне домой не попасть. Слишком далеко топтать пешком. К остановке подходили разные люди. Они стояли, переминались с ноги на ногу. Цокали языком. Женщина в красном берете стала ругать правительство. Старичок смачно плюнул на асфальт и ушел. Минут через десять его плевков застыл, превратился в лед.

Люди уходили. А я остался. Я упрям и решил держаться до последнего. Не возвращаться же мне обратно в учебно-производственный комбинат! Я не для того ушел оттуда пораньше, сказавшись больным.

Наш учебно-производственный комбинат — это просто умора. Ума не приложу, зачем мы сюда ездим каждый четверг. Нам обещали, что дадут какую-то

профессию. Важную, вероятно. Я вот, например, хотел бы стать журналистом и думал, что они подбросят дровишек в огонь. Но единственное, что они могут, — дать нам профессию мебелировщика. Поэтому восемнадцать парней из трех параллельных классов каждый четверг машут пилами, стучат молотками. У нас есть киянки, рубанки, есть какие-то странные железные молоточки — их названия я не запомнил. Самое забавное, что нечто похожее у нас было и раньше, на уроках труда. За чем, кому понадобилось переносить все это веселье на расстояние двадцати пяти минут езды?

В общем, я стоял и злился, шурился, стараясь спасти глаза от сующего свой нос в чужие дела солнца. Я делал вид, что мне на все наплевать, что я независим и вообще автобус — это не мое дело. Но, наверное, у меня плохо получалось. Какая-то бабушка подошла ко мне и стала жалеть. Я не люблю, когда меня жалеют, особенно прилюдно.

— Ты, наверное, замерз, сынок. Наверное, замерз. Я вижу, ты так замерз.

Я сбежал от нее. Скрылся в универсаме. Отсюда хорошо видно остановку. Если подойдет автобус, то я в два прыжка окажусь там, где нужно. Все будет нормально. Бабушка постояла немного и ушла.

Сквозило от двери, но в спину бил теплый воздух. И не столько воздух даже, сколько углекислый газ, тяжелый, плотный. Минут через пять ко мне подошел охранник.

— Эй, че тебе здесь надо?

Он выглядел так, будто не спал три дня и не мылся неделю. Волосы были покрыты толстым слоем жира. Кожа на лице шелушилась. Бедняга, не старый, а такая паршивая работа. Наверное, часто прогуливал в школьные годы занятия в учебном комбинате...

— Я жду автобус.

На него это не произвело впечатления.

— Это не остановка.

Он очень напряжен. Я бы посоветовал ему подходить к жизни с известной легкостью. Говорят, это здорово помогает.

— Я знаю.

Я отвернулся от него, давая понять, что разговор окончен.

Он схватил меня за плечо.

— Нет, ты не понял, это не остановка!

Я постарался вырваться.

— Эй, — сказал я ему, — у нас здесь свободная страна, между прочим!

— Ошибаешься, — сказал охранник. Он сгреб меня в охапку, ногой открыл дверь и выбросил наружу. Крайне негуманный поступок. Я почувствовал себя ущемленным в правах. Поэтому я смело показал ему средний палец и крикнул пару ругательств. Но у бедняги крепкие нервы. Его лицо по-прежнему ничего не выражало, он просто дернул шей и скрылся в глубине магазина.

Я вернулся на остановку, отряхнувшись. Как мне показалось, никто не заметил этого инцидента. Никто не придал ему особого значения. Слава богу! Больше всего в жизни я не люблю публичный позор. Это второе место в списке моей ненависти после кислых щей. Я объявил бы им войну, если бы это была страна или на худой конец область.

Без десяти два на остановку подошел Петька Гусев. Он лузгал семечки и выглядел довольным. Увидев меня, он удивился.

— Я думал, ты уже дома. Смотришь «Гром в раю» или еще что.

Я рассказал ему про автобус.

— Неудивительно, — сказал Петька.

Его папа работал одно время водителем автобуса. Он говорил, что они днем предпочитали резаться в карты и потягивать пиво.

— А ты почему так рано? — спросил я, показывая на часы.

Выяснилось, что Петю выгнали с занятий. Ничего удивительного! Обычно пять минут урока он что-то слушал, а остальное время занимался ерундой. Однажды на ОБЖ, я помню, он запел петухом. А на музыке как-то играл ногой на пианино. Вообще у него были музыкальные способности. Играть ногой на пианино во время урока! Я хочу сказать, у парня неплохо получалось. В этот раз его выгнали, потому что он стал оскорблять Вадика Зиновьева, плевать в него и пинать.

Я понимал Петю. При одном взгляде на Зиновьева мне тоже хотелось плевать и пинаться. Это был отвратительный малый, все его ненавидели. Его мама, кажется, работала проституткой, хотя окончательной уверенности у нас не было.

Что же касается Пети, то у него большущая щербинка между двумя верхними зубами, и он искусно плевался через нее. Еще недавно я считал это умение феноменальным, но сейчас я так не думаю.

Он отсыпал семечек.

— Что будешь делать?

— Не знаю.

— Может, поиграем в автоматы?

— Денег нет.

— Может, там будут мелкие, и мы их кинем на пару жетонов?

Мне это не очень-то нравилось, но играть хотелось. В культоварах установили автомат с «Мортал комбат».

Я сказал, что подумаю.

Тут подошел автобус. Двери открылись. Внутри были тела людей. Никто не хотел или не мог выйти.

— Кажется, мы не влезем, — сказал я.

В этот момент откуда-то с тыла подбежал мужик с полиэтиленовым пакетом и со словами «А ну-ка поднажали, мужички» вдавил нас внутрь.

Он действовал как хороший гидравлический пресс. Фантастика, но у него получилось раздобыть еще немного места в автобусе. Правда, меня прижало к старухе в сером пальто. Пете повезло больше: он уткнулся в какую-то блондиночку, очень старую, лет двадцати пяти...

Мы подъехали к культоварам и вышли. Идти туда не очень-то хотелось. Но домой не хотелось еще сильнее...

В культоварах никого не было. Видимо, с уроками всех зажало, а может, холодно таскаться за два квартала, а может, еще чего. Автоматы стояли пустые. Мы подождали чуть-чуть и, когда поняли, что ничего нам не светит, пошли на крытый рынок. Там торговали разной одеждой. Китайской или турецкой — мы тогда не разбирались. Весь наш район одевался в те годы там. Это было что-то вроде местного модного дома. Особым почетом пользовались лосины леопардового цвета и штаны хаки. Не знаю почему, но весь район ходил либо в штанах хаки, либо в леопардовых лосинах. А я мечтал купить косуху. Мне казалось, я буду смотреться в ней неотразимо. Но мама сказала, что так одеться я смогу только через ее труп. Приходилось донашивать за двоюродным братом его коричневую куртку, протертую на рукаве.

Петя блуждал между рядами, куда были свалены цветные шмотки. Он лавировал между людьми как человек, следующий к четко намеченной цели. На самом деле никакой цели у него не было. В те годы мы на шмотки приходили просто глядеть. Иногда останавливались у особенно классных вещей и делали вид, что при-

цениваемся. Шупали их с умными лицами. Продавцы все отлично понимали и не обращали на нас внимания. Только одна тетка однажды, помню, взбесилась и принялась нас гнать. У нее как-то украли кошелек. Но это были не мы. Среди нас, конечно, хватало воришек, но никто не занимался этим профессионально, только так, для души, когда момент подвернется.

Петя прошел весь рынок, пощупал несколько кроссовок. Одни даже примерил.

— Жмут, — сказал он.

Я согласился. Мне захотелось есть, и я предложил отправиться домой. Петя не возражал, потому что у него кончились семечки, а такое случалось редко. Это было его топливо, он постоянно их лузгал. Или сигареты курил. Больше никаких дел у него не было.

Мы шли по улице и увидели троих парней из соседнего двора. С ними у нас война. Мы друг друга недолюбливали. Черт знает почему. Мы были как бы рокерами, а они как бы рэперами. Главный у них — его звали Борян — низкорослый, но крепкий, с ног не сшибешь. Я его побаивался. Дело в том, что однажды мать отправила меня за батоном, а в наш магазин булку еще не подвезли. Пришлось идти через дорогу, в другой продуктовый. На обратном пути меня застал Борян с двумя своими подкорышами.

— Деньги есть? — спросил Борян.

Я сказал, что денег у меня нет.

— А если найду?

Денег у меня действительно не было. У меня был батон. Эти трое окружили меня и двигали челюстями. Наверное, думали, что так они выглядят угрожающе. Кстати, они были правы. Тогда я ударил самого мелкого из них батоном, а Борян двинул правой и попал мне точно в ухо. Я охнул и согнулся, батон выпал из рук.

— Вот придурок, — сказал кто-то из них. Они пнули батон и ушли. Я проиграл ту схватку. И вот сейчас эти трое шли на нас. Мы с Петей напряглись. Трое на двоих — не самая лучшая диспозиция. Каратистов среди нас с Петей не было. Батона тоже. Вот был бы с нами Дима Иванов!

Мы смотрели друг другу в глаза как старые враги и шли навстречу. Внутри все сжалось, и я приготовился к худшему. И еще сделал страшное лицо — на всякий случай. Но ничего не произошло. Мы разошлись. Разошлись, выражая на лицах ненависть и злобу. Эти ребята тоже, наверное, шли на рынок. Может быть, кому-то из них тоже хотелось присмотреть кроссовки.

— Нейтральная территория, — сказал Петя, когда мы окончательно разминулись. — Правило нейтральной территории.

Такого правила никогда не существовало, да даже если бы оно и было, все плевать на него хотели. Нейтральная территория! Смешно. Просто тротуар широкий...

Петя жил в общежитии. Мы расстались на углу.

— Увидимся, — сказал он и зашагал к общежитию.

У них там ужасная коммуналка. Три семьи в шести комнатах. Сортир вечно грязный, тараканы. Я смотрел ему в спину, и мне почему-то стало его жаль.

Вспомнилось, как летом он купил подержанные футбольные бутсы у Илюхи Алексеева. Игроком Петя был средним, не знаю, зачем ему понадобились настоящие бутсы с восемью шипами. Он не только играл в них в футбол, но и просто ходил по двору. Если слышался цок-цок, раздающийся откуда-то из-за угла, можно не сомневаться: это Петя, любитель бож-пакетов, идет...

А однажды на уроке географии он отвечал у доски, и у него спросили, на какой реке находится Санкт-Петербург, я подсказал ему: «Миссисипи», и Петя сказал: «Миссисипи». Все засмеялись.

«Надеюсь, — подумал я, — нас не видели вместе».

СТРЕЛКА

Перед молодыми людьми лежала грязная бурая пустыня с жухлой травой и мусором. По пустырю были разбросаны пивные банки, пакеты из-под чипсов и газетные обрывки. У стороннего человека могло сложиться впечатление, что весь город приходит сюда для того, чтобы попить, поесть и почитать последние новости. Они стояли перед этой полосой отчуждения и всматривались вдаль, на манер богатырей с картины Васнецова. Безбородые, пешие, но вооруженные клюшками, бейсбольными битами и обычными палками, они выглядели угрожающе, хотя и напоминали странную спортивную команду.

Стас из пьяного дома принес нунчаки. Они вызвали небывалый ажиотаж, их долго рассматривали, передавали из рук в руки и наконец сломали — звенья чудесным образом разъехались. Стас расстроился и ни с кем не разговаривал. Над ним посмеивались.

Парней собралось не меньше двадцати. Те, что из двора напротив, забили здесь стрелку на пять часов вечера, когда начинало смеркаться. Никто точно не знал, что стало причиной ссоры, кто прав, кто виноват и в чем вообще смысл происходящего, но закосить было нельзя. Поэтому на стрелку пришли все, «кто мог держать в руках оружие». Иными словами, кому не удалось отвертеться.

Костя тоже был здесь и нервно грыз ногти. В стрелках ему участвовать не доводилось. Воображение рисовало дикие картины из кровавых фильмов. Он, по правде говоря, не принадлежал к числу элитных бойцов. Ему приходилось махать кулаками два раза — оба в младших классах. Один поединок кончился вничью, а другой — победой соперника: под глазом у Кости вскочил интересный четырехгранный фингал.

Разумеется, он и сегодня бы предпочел остаться дома, но за ним зашел Дима Иванов, возбужденный, пылающий, как Ахилл. Делать было нечего. Теперь они стояли втроем: Костик, Дима и еще один парень, Витя Алексеев, который вообще считался «отморозком», в драках впадал в особенный раж и ценился даже старшими. Они использовали его как средство устрашения противника. Слабые сердцем враги, завидев эту бочку с беспрерывно вращающимися кулаками, обращались в позорное бегство.

Все знали, что на врагов из соседнего двора дешевые трюки не действуют. Они жили в обшарпанных общагах, разбросанных по кварталу в не поддающемся логике порядке. Во дворе Кости злых и голодных было поменьше. Все-таки здесь построили много отдельных квартир и даже один кооперативный дом. Там жила Светка Дружинина. У нее были золотая коса, плеер и электрический самовар.

Стояли. Ждали. Обсуждали всякую ерунду, но в основном, конечно, предыдущие стрелки. Костя слушал внимательно.

— Не знаю, — говорил Дима, — сколько я хожу на стрелы, а подраться мне еще ни разу не удалось. Бегаем туда-сюда, как спортсмены. Это не стрелы, а какая-то атлетика. Вперед-назад, вперед-назад. Чушь!

Дима действительно выглядел расстроенным.

— Ты на какие-то неправильные стрелы ходишь, — сказал Беглов, жилистый подросток с лицом, отчетливо напоминавшим череп. — Вот у нас в апреле была стрела! Пятьдесят их, тридцать наших. Дрались до посинения. Пока менты не приехали.

— И что тогда? — спросил Дима.

— Побежали.

— Вот видишь. Все этим заканчивается. Марафонцы...

— Или вот, — продолжал Беглов, — когда Витя, помнишь, набросился на десятерых придурков. Они стоят, а он носится между ними — их лупцует. Смешно!

— Да что драки. Хорошо, когда трофеей удается достать, — вмешался старший парень в бандане с надписью «Metallica», Костя не знал, как его зовут. — Недавно мы с Шефом с какого-то рэпера носок сняли.

— Круто, — сказал Костик. Вообще-то он что-то подобное уже несколько раз слышал. То ли все пересказывали одну и ту же историю, то ли у Шефа была уже целая коллекция таких носков.

— Фигня это все, — сказал Дима так тихо, чтобы его не слышал парень в бандане. — Бегаем, бегаем...

Но безымянный услышал, сделал шаг вперед и пренебрежительно хмыкнул, глядя в глаза Диме.

— Ты просто на каких-то детских стрелках бывал. — Он угрожающе ухмыльнулся. Два зуба у него были вставные. — У меня, — продолжил он, — нос трижды сломан и два ребра. Думаешь, от бега?

Дима молчал. Остальные тоже. Костя и вовсе решил глаз от земли не отрывать. Безымянный остался доволен произведенным эффектом и отошел.

Дальше ждали в тишине. Темнело, напряжение нарастало.

«А что если они не придут? — думал Костя. — Такое вообще бывает? Ну, чтобы не приходили?»

Он пришел к выводу, что такое развитие событий вполне вероятно. Люди сначала подходили и подходили, так что в какой-то момент парней собралось едва ли не пятьдесят, но затем начался обратный процесс. Строй редел.

— Дезертиры, — хмыкнул Беглов, смотря в спину удаляющимся. Но ругать их не спешили. На самом деле было скучно.

Родилась идея самим идти в соседний двор — разбираться. Это было смело, но глупо. К счастью, предложение никто не поддержал. Даже Шеф. А он считался непререкаемым лидером. Сказал бы: идти — и пришлось бы идти.

Когда вечер сгустился, Костику показалось, что еще чуть-чуть — и домой.

Тут, повинувшись жесту невидимого дирижера, из-за пригорка появилась нестройная, но грозная толпа. На глаз Костик определил, что их не меньше полусотни. У него тут же скрутило живот, как часто бывало, когда он нервничал.

В сумерках было плохо видно: две противоборствующие стороны разделяли, по меньшей мере, сто-сто двадцать метров. Костик заметил, что у них в руках нет ни палок, ни бит.

Две группировки встали друг против друга и начали ожесточенно переругиваться. Церемониал был, вероятно, подсмотрен в голливудских фильмах.

Напряжение нарастало, а ругань, наоборот, затихала. Костя видел, как хмурится Дима, да и Витя выставил вперед кулаки, словно дальнобойное орудие. «Главное, не высовываться и держаться позади всех», — подумал Костик.

В этот момент противник бросился в наступление с ободряющим криком. Что-то вроде «ура», у которого отрезали «ра». Строй, в котором стоял Костик, дрогнул, зашевелился, подался немного назад, затем вбок.

— Куда поперли? Вперед! — скомандовал Шеф. Но вперед бросилось лишь несколько человек, не больше десяти. Все старшие. Остальные продолжили свое странное боковое движение.

Костя не знал, что делать. Драпать нельзя. Увидят. Он заметил, что Дима тоже тянется в сторону, и облегченно вздохнул. Подвигов не хотелось. Но у Вити Алексева были другие планы.

— Вы че, парни? — спросил он. — Вы куда? Вперед, и только вперед!

Он бесстрашно бросился в толпу, вращая кулачищами, как огромная хлебозрезка.

Дима остановился и тоже уже был готов броситься в гущу, как на пригорок, где еще тридцать секунд назад стояла ватага соперников, влез ментовский уазик, похожий на ослика, у которого отрезали уши. Крякнула сирена. Драка, не успев начаться, тут же замерла. Все стороны процесса внимательно смотрели на автомобиль.

«Deus ex machina», — почему-то мелькнуло у Кости в голове, хотя он забыл, что это значит.

Из желтого стального бога послышался треск, передаваемый мегафоном.

— Вы вообще офигели, мелюзга! Всем стоять! Все аррррестованы!

Это стало сигналом к бегству. Бойцы бросились врассыпную, как тараканы. Кто-то, впрочем, отступал прямо на УАЗ, видимо, решив смутить охранников правопорядка. Из машины вышел лейтенант, его серая шапка упала в грязь, но выглядел он все равно грозно и решительно.

Костик, Дима, Витя и парочка ребят бросились назад, но с тыла подъехал еще один экипаж.

— Туда! — крикнул Дима, указывая куда-то в неопределенность. Все помчались. У Костика бешено колотилось сердце.

Была погоня, дикая скачка, страх, страх, страх. Они неслись так долго, что успокоились, только отбежав за два квартала.

Оказавшись посреди оживленного перекрестка, они остановились и решили перевести дух. Все тяжело дышали. Наконец к ним вернулись самообладание и способность разговаривать. Дима засмеялся. Витя Алексеев недовольно смотрел на свои кулаки.

— Надо было остаться, — сказал он себе под нос.

— Остаться? Так беги обратно!

Витя, естественно, не побежал.

Успокоившись, молодые люди пошли по улице в сторону дома. На всякий случай внимательно смотрели по сторонам. Засада? Они этого не исключали.

Троица почти дошла до своего двора и остановилась у автобусной остановки, чтобы купить у бабушки стакан семечек. Дима долго пробовал их, а потом торговался с усатой бабкой, одетой в коричневое пальто. Но бабка моргала одним глазом и уступать Диме семечки по сниженной цене не захотела. Дима сдался.

Тут за плечо его тронул Витя.

— Смотри.

Он показал на остановку. Там стоял подросток. На его уши была натянута черная вязаная шапка с логотипом «Public enemy».

— И что? — спросил Дима.

— Это же носок! Нужно снять.

Костя всмотрелся в предполагаемую жертву.

— Вы что, тронулись? Зачем? Пойдем домой.

— Нет, — сказал Витя, — это же рэпер. Я ненавижу рэперов.

Дима посмотрел на Витю. Затем на Костю.

— Я с вами не пойду, — сказал Костя.

— Боишься?

— Нет.

— Да понятно. Боишься.

— Нет! Просто это... глупо как-то. Это ж мелкий какой-то. Сколько ему лет? Десять?

Витя напряг физиономию.

— Одел носок — нужно отвечать за базар!

— Не «одел», а «надел».

— Пошел ты!

Костя махнул рукой. Спорить было бесполезно.

Витя обнажил зубы, засучил рукава и пошел в сторону павильона. Дима за ним. Костик остался на месте. Сердце опять бешено застучало. Казалось, оно бьется в горле. Костик хотел уйти, но почему-то не мог. Со своего места он видел, как Дима и Витя подошли к подростку и стали ему что-то говорить. Взрослые, стоявшие неподалеку, сделали вид, что ничего не замечают. Что все в порядке. Подросток вжал голову в плечи. Витя толкнул его в плечо, не очень сильно, но подросток пошатнулся и закрыл лицо руками. Дима сказал ему еще что-то. Подросток стянул с головы шапку и отдал победителям. Витя дал ему пинка. Друзья развернулись и, посмеиваясь, пошли к Костику.

— Круто мы его? — спросил Дима.

Костя молчал.

— Надо было ему по роже съездить, — сказал Витя.

— Теперь у нас есть носок. Мы как Шеф, прикинь, — Дима торжествовал.

Костик молчал. Ему было жаль подростка, он даже представил, как вырывает носок из рук Димы и несет обратно тому бедному, жалкому парню...

Но он не стал этого делать. Он пошел чуть впереди. Витя с Димой его быстро нагнали, и дальше они топали вместе. Костик первое время молчал, но потом Дима рассказал смешной анекдот, и стало не до обид.

«Бывает, — решил Костя, — на войне как на войне».

Они немного побродили по своему двору. Но никого не нашли. Тогда у магазина «Мидас» они расстались и разбрелись в разные стороны. До дома Косте оставалось не больше трех минут хода. Стало совсем темно. Из фонарей горел только один, в конце улицы. Прохожих не было. Пошел мокрый снег.

Костя решил немного срезать и пройти сквозь лесок, отделяющий детский сад от его дома. Там были лужи, но их можно обойти. Да и лесок — одно название, шесть берез. Он шел быстро, но неожиданно почувствовал, что в темноте кто-то шевелится.

— Э, — окликнул его голос, — сигареты есть?

Костя замер.

— Нет. Не курю.

Голос был сиплый. Простуженный.

— А че не куришь? Спортсмен?

— Да молодой еще! — дружелюбно ответил Костя.

Тут человек в темноте включил фонарик.

— Да, — сказал он, — вижу...

Костя уже хотел повернуться и пойти дальше, как незнакомец резко схватил его за плечо. Косте стало больно.

— Что делаете! Отпустите! — взвизгнул Костя.

— Слышь, молодой, куртка-то у тебя больно хорошая, а?

— Плохая куртка... Больно...

— Снимай куртку, раз плохая. Я экспроприрую ее.

— Отпустите...

Хватка ослабла.

— Давай поживей. И шапку.

Незнакомец ловко стянул ее и запихнул к себе в карман. На Косте была хорошая зимняя шапка. Мама подарила на Новый год.

— Мама будет ругаться, — сказал Костя.

— Ничего.

То, что произошло дальше, Костя так и не вспомнил. Ему будто память отрезало! Но судя по тому, что через тридцать секунд он оказался у своего подъезда и звонил в домофон, ему как-то удалось вывернуть плечо и сигануть мимо грабителя. Тот матерился и вроде бежал за ним, но отстал.

Мама открыла.

— Что? Что случилось?

Костя захлопнул дверь и не мог отдышаться.

— Там... Там...

— Да что там?

Мама и бабушка стояли, испуганные.

— Да собака опять... В общем, не берите в голову, — выдохнул Костя. А сам осторожно сел на скамейку — снять обувь.

Мама внимательно посмотрела на его взъерошенные волосы.

— А где твоя шапка?

В ШКОЛЕ

— В субботу мы залезем в школу, — сказал Дима.

Я заметил, что считаю это предприятие чересчур опасным.

— В субботу залезем в школу, — повторил Дима, — а ты оставайся.

Он был одет в темно-синюю куртку и жевал жвачку. Улыбался и смотрел на меня с вызовом. Это был тест. А виноват во всем географ. Это он обидел Диму. И Дима решил мстить. Только я здесь при чем?

— В школу залезать — опасно.

— А стекла бить в кабинете информатики не опасно?

— Так я не бил.

— Так я бил.

Диму было не отговорить.

— Мне не страшно, — сказал я. — Просто я не вижу в этом смысла.

— Не видишь — и ладно.

Он махнул на меня рукой. Сделал вид, что уходит. Как будто разговаривать со мной не о чем. Знал, как меня пронять.

— Хорошо, — сказал я, — только нужно все как следует обдумать... Например, как ты собираешься попасть внутрь?

Дима улыбнулся.

— А что тут думать? Ключ у меня.

Оказалось, он стырил его у уборщицы.

— Может, они замки поменяли?

— Не. Я проверял.

Еще одно обстоятельство оставалось не до конца понятным.

— Кто-то еще пойдет?

— Пойдет.

— Кто?

— Петька Гусев.

Я плюнул. Только этого олуха не хватало!

— Давай без него!

— Не могу. Ключ он тырил. И вообще, это его идея. Говорит, в кабинете химии много меди.

— Меди? Зачем ему медь?

— Не знаю. Может, продать хочет?

Я задумался.

— Что-то не видел я там меди.

— И я не видел. Но раз так... Все-таки химический элемент.

— Двадцать девятый номер, — сказал я зачем-то.

— Возможно...

Петьку Гусева я не любил. Был он каким-то слизняком. Но что поделать?

Мы договорились встретиться в восемь часов вечера на площадке перед школой. Раньше здесь стояла хоккейная коробка, но потом часть досок сгнила, а часть разобрали. Остались одни железные колышки, на которые когда-то крепились борта. Их ряд чем-то напоминал кладбище.

Я пришел чуть раньше и ждал, облокотившись на один из них. Мне было страшно и холодно. Я с трудом себе представлял, что делать там, внутри. Мне это не казалось забавным. Единственное, зачем я туда пошел, — страх. Страх оказаться недостаточно крутым перевешивал страх быть пойманным.

Наконец эти двое появились. Они шли вместе со стороны хлебозавода. Сладкая парочка. А я уж понадеялся, что они не придут.

— Ну как? — спросил Дима.

— Холодно.

— Сейчас согреешься.

Мы пошли к школе. По дороге горело несколько фонарей. Они отражались в окнах. В остальном кругом была плотная, похожая на покрывало темнота. Даже снег был темный.

— Откуда ключ? — спросил я на ходу у Петьки.

— От верблюда, — сказал он, чрезвычайно довольный своим ответом. Потом все-таки не выдержал и стал рассказывать, что стащил ключ в кабинете у завхоза. Он шел мимо, дверь была открыта, а ключ лежал на столе. Петя не мог упустить такого шанса. Причем он понятия не имел, что это за ключ. Он лишь догадывался смутно, что от какого-то помещения в школе. Следующую неделю он тайком примерял ключ к каждой дверной скважине, надеясь догадаться, куда же он подойдет. Пока однажды его не осенила мысль: ключ от главной тяжелой железной двери. Главной школьной двери.

Мы пришли.

— Вот это окно каморки охранника, — сказал Дима. — Он телевизор смотрит.

— Точно?

— Да. Хоккей. Можно не волноваться.

— Я и не волнуюсь.

— Идем, — сказал Дима. Снег художественно хрустел под его ногами. Мы поднялись на школьное крыльцо. Огляделись. Людей в это время почти не было. Несколько силуэтов передвигалось в глубине двора. Нас они не видели. До нас им не было дела. Дима приложил ключ к скважине. Я усердно молился, чтобы все оказалось розыгрышем (или чтобы ключ не подошел, по какой-то случайности). Мои молитвы не были услышаны. Ключ повернулся. Как громко...

— Тише! Тише! — сказал я.

— Спокойно, — сказал Дима.

— Сигнализации нет, — сказал Паша. — Только в компьютерном классе есть.

А здесь — нет.

— А охранник?

— Не думай о нем.

Сделать это было практически невозможно.

Он аккуратно потянул дверь на себя, но она все равно скрипнула. Мы инстинктивно вжали головы в плечи, но ничего не происходило. Сторож с ружьем наперевес не появлялся. Вообще никто не появился.

На цыпочках мы вошли внутрь, гуськом, один за другим. Дима шел первым. Вид у него был не очень отважный, но он все равно шел первым. В конце концов, идея была его. Я замыкал цепочку. Рваться вперед мне не хотелось.

Мы знали, что окажемся под лестницей, той самой лестницей, по которой ученикам следовало подниматься. По противоположной, соответственно, было разрешено только спускаться. Это было железное правило, за нарушение которого следовали ругань дежурных и замечание в дневник. Наверное, у директора был какой-то бзик.

В школе было темно, но мы неплохо ориентировались на местности, да и глаза вскоре привыкли. Все казалось таинственным и ненастоящим. Я вообще себя чувствовал так, словно оказался внутри фильма. Было то ли холодно, то ли страшно. Скорее, страшно.

Я подумал, что стоило взять с собой маску. Вроде тех, какие носили персонажи фильма «На гребне волны». Хороший фильм. Но где достать маски с американскими президентами? Например, с Рейганом?

Наша школа — типовое здание в виде буквы «Н». Я пробирался по гардеробу, который никогда не был закрыт. Гардероб располагался в той самой перемычке, которая связывает левую и правую вертикальную палочки в букве. Гардероб был пуст и уныл. Мне еще никогда не приходилось видеть его таким. Лишь парочка курток висела в секции средней школы. Я еще подумал: кто мог оставить их здесь? Пошел зимой домой в одном свитере?

Кабинет географа оказался нагло закрыт.

— Ничего, — сказал Петька, — у меня отмычка есть.

Дима посмотрел на него с уважением.

— Смотрю, ты спец!

— А то!

Петя достал два крюка и стал ими орудовать, но не очень успешно. Ничего у него не выходило.

— Дай-ка я попробую, — сказал Дима и оттер его. Но у Димы тоже ничего не получилось.

— Сложный замок, — сказал он, — немецкий.

— Давайте-ка уже быстрее, — попросил я. Мне вдруг неожиданно стало понятно, в какой ужасной ситуации мы оказались. Мы ведь не просто совершаем какую-то шалость. Мы — преступники. От этой мысли волосы на голове свернулись в кудри. Мне захотелось тут же броситься прочь. Хоть в окно. Но я не мог. Я остолбенел.

— Ладно, — сказал Дима, — ругательства можно и так написать.

Он достал красный маркер и написал на двери: «Бородатый...».

— Теперь кабинет химии, — сказал Петька.

Мы прошли мимо закрытой учительской. У Димы появилась мысль написать какое-то послание и на этой двери. Я его с трудом отговорил.

Кабинет химии был тоже закрыт.

— Должно получиться, — кричал Петя, возясь с отмычками, — не зря ведь это все.

Прыщи на его шее пульсировали.

Я умолял его действовать быстрее и тише. Сам же прислушивался к шагам в коридоре. Охранник мог быть где угодно. Он был бестелесен. Летуч.

— Не поддается, — сказал Петька. — Надо ручку разобрать.

И он стал ковыряться с ручкой. Это продолжалось минут пять. Он сидел и отчаянно пыхтел. Дима пару раз говорил, что ему скучно. От нечего делать он сделал еще несколько надписей на двери кабинета химии. Он написал: «Даешь пятидневку в девятом классе!»

— Для отвода глаз, — объяснил он, — пусть думают, что мы политические...

Наконец Петька разобрался с замком. При этом уронил с грохотом на пол какую-то его часть. Звон переливался по пустым коридорам, как набат. Теперь дыбом встали даже волосы под мышками.

— Надо мотать, — сказал я.

— Ты что! — Петя встревожился. — Мы только начали!

Но Дима тоже был настороже.

— Сейчас вертухай придет — и крышка, — сказал он.

— Парни, — Петька смотрел на нас своими прозрачными глазами, — там внутри меди на пару тыщ. Делим пополам!

— Заметано, — сказал Дима.

— А что будет, — спросил я, — если нас поймают? Посадят?

— Нет, — сказал Петя, — не посадят. Мы же дети.

— Кто мы? — переспросил Дима.

— Дети.

— Мы не дети, — сказал Дима, — мы йети. Это у нас йетство такое. Чего непонятного-то?

— Все равно посадить не должны, — сказал Петя.

Это не сильно успокоило. На шухере оставили меня. Правда, что делать, если охранник все же решит проверить верхний этаж, я не представлял. Тогда нам крышка: выход из коридора только один. Оставалось молиться. Я с трудом вспоминал слова акафиста, который читал когда-то против отцовского пьянства. Что-то там было про чашу... чашу...

Наконец они вышли. Дима — злой.

— Этот придурок думал, там моток меди лежит!

Петя шел за ним.

— Ничего, — сказал он, — я колб набрал. Колбы тоже пригодятся. И микроскоп.

— Микроскоп тебе зачем?

— Продам. И еще весы.

Он держал все это в руках и глупо улыбался.

— Пора валить, — сказал я.

Дима меня поддержал.

Мы бочком стали пробираться к лестнице, ведущей на первый этаж. Но проход был закрыт на ключ.

— Сейчас я отмычками, — сказал Петька, но Дима его остановил. Это могло затянуться.

Пошли в обратную сторону.

— Пройдем через гардероб! — сказал Дима.

Спустились вниз по лестнице. Прислушались. Тишина казалась пугающей.

— Вроде нормально, — прошептал Дима. Короткими перебежками приблизились к гардеробу. Предстояло миновать его и оказаться у черного хода.

— Кто первый? — спросил Дима.

— Никто, — сказал я.

— Вот ты и иди.

— Не пойду.

— Что, здесь останешься?

Я подумал, что идти-то все равно придется, так, может, лучше сделать это первым?
— Ладно, — сказал я.

Я метнулся в коридор. Слева окна, окна. Я заметил, что над деревьями светит луна. Вообще, картинка напоминала рождественскую. Справа тянулась светло-зеленая решетка гардероба. Тут я услышал кашель. Я застыл, как соляной столб. Кашель и шаги. Шаги! Сомнений быть не могло, это шел охранник. Я оглянулся. Обратное в укрытие мне уже не успеть. Я стоял как раз посередине коридора. Так куда же? Тут я увидел, что решетка в секции семиклассников слегка отогнута. Видно, кто-то пролезал за курткой, а может, тырил что-то из карманов — кто знает? Я рванул туда и — надо же — протиснулся. На щеке осталась царапина.

Теперь я был внутри гардероба. Правда, спрятаться здесь все равно было негде. Голые стены да стойки с крюками, может, пара пакетов со сменкой. И только в углу несколько забытых кем-то курток. Эврика! Я рванул туда. Причем бежал на носочках. Со стороны, наверное, смотрелось странно. Добравшись до куртки, я подпрыгнул и схватился за деревянную перекладину, к которой крепились крючки. Куртка скрывала меня от глаз охранника. Ноги пришлось подогнуть. Я молился только о том, чтобы руки выдержали мой вес. Это единственное, что меня беспокоило. Честно.

Я слышал, как идет охранник — наверное, совершая какой-то обход. Слышал, но не видел его. Вернее, видел, но лишь частично — ботинки и вельветовые штаны.

Шел он, как нарочно, медленно. Руки стали ныть. Я почувствовал, как пальцы съезжают с перекладки. Иди же, иди! А он остановился и стал смотреть в окно. На луну и улицу. Да что там он хотел увидеть? Еще двадцать секунд, и я грохнусь... Я закрыл глаза и накрепко последние силы. «Если все кончится хорошо, буду подтягиваться каждый день. Обещаю, Боже!» — взмолился я. Подействовало. Охранник почесался и пошел дальше. Потом, насвистывая, стал подниматься по лестнице.

Фуууууф! Я тут же выбрался из укрытия, потом протиснулся между решеток и бросился к выходу. Тут вдруг я услышал сзади движение. Что делать? Я припустил со всех ног — подумал, что это охранник за мной бежит. Я так и драпал, пока не уперся в закрытую дверь. Потом повернулся, сощурился. Но это был Дима.

— Ты куда, идиот?! — сказал он. — Ключ же у меня!

Петя тоже был здесь.

— Веселенькое приключение! — сказал он.

Мы выбрались наружу и понеслись, понеслись, понеслись...

Петю задержали, когда он пытался продать пятикласснику микроскоп.

Он-то и раскололся, выдал всех. Причем сказал, что идея Димы Иванова.

Так мы попали на учет в детскую комнату милиции. И раз в месяц ходили к инспектору — некрасивой тетке с розовыми губами.

Но самое неприятное то, что нам пришлось оттирать собственные надписи. Это было унижительно. Все собрались, глазели на нас и посмеивались. Подошла и Ирина Федоровна.

— Так и знала, что ты так закончишь! — сказала она, покачав головой.

Мне стало стыдно.

— Он еще не закончил, — сказал дежурный по этажу, — еще вон сколько оттирать! Ирина Федоровна повернулась и ушла.

Было так обидно, горько и противно, что я дал слово больше не совершать противозаконных действий.

«По крайней мере, — подумал я, — в этом учебном году...»

С учета меня потом сняли. А Диму нет. Как сказала инспектор, «не дал повода».

ХУДОЖНИК

— До чего же ты плохо учишься, но твой брат тебя перещеголял! — говорила Костя учительница по русскому языку и литературе (большая поклонница Достоевского и местоимений).

Костю она всегда недолюбливала.

— Ты пишешь, будто корова языком лизнула, — говорила она. Потом, почуяв неладное, добавляла: — То есть копытом...

Костя ее не понимал и побаивался, но почерк все равно лучше не становился, а помарок из-за страха — только больше.

Но вот Пашка... Он считался чемпионом по выведению учителей из себя. Если бы существовал такой спорт, Пашка получил бы какой-нибудь разряд, а то и звание. В этом умении он выделялся во всей школе, а там хватало мастеров своего дела. Ну вот, например, Шеф однажды послал по матушке физрука, любителя лыж, и ничего ему за это не было. А Олег Прокофьев как-то довел до слез учительницу рисования, хотя она вообще часто плакала — чувствительная женщина, что с нее возьмешь.

И все же Пашка мог дать им фору. Ведь Шеф и Прокофьев учились в старших классах, а Пашка — в пятом. До пятого класса он дотянул чудом, уже в третьем классная руководительница нашла подробные эротические комиксы его авторства — разразился скандал, и матери пришлось краснеть. В четвертом Пашка бегал от разгневанных учителей по рекреации и исчезал с уроков, выбираясь через окно в туалете. Его водили к психологу, но психолог предложил поставить Пашку на учет в детскую комнату милиции.

— Поздно, — сказала мать, — он там уже состоит.

И ушла.

Костя был немного благодарен брату. Из-за Пашиных буйств его прегрешения казались мелкими неурядицами. Кого волнует случайно разбитое футбольным мячом окно детского сада, если младший брат в тот же день старался угнать машину и лишь по счастливой случайности был пойман дядей Вадиком и доставлен не в милицию, а домой.

Пашку бы отчислили из школы и, возможно, поместили бы в клетку, чтобы выставлять на всеобщее обозрение, но у него оказался неожиданный заступник — бабушка. Каким-то чудесным образом ей удавалось тушить все скандалы. Возможно, сказывался ее врожденный талант переговорщика. Когда-то она работала бухгалтером, а сейчас постоянно о чем-то хлопотала в государственных органах. Она хлопотала в ЖЭКе, в районной администрации, в санэпиднадзоре, в роно, в комиссии по благоустройству, в собесе, в столе заказов, во взрослой и детской поликлинике. Даже в почти заброшенной дворницкой она умудрялась хлопотать.

В итоге бабушка обросла странными, неочевидными, но прочными связями. Она знала всех врачей, всех медсестер, всех дворников, всех паспортисток, всех работников отдела образования. Каждое новое знакомство придавало ей вес в глазах простых обывателей. Ну и, конечно, звездный бабушкин час настал, когда в актовом зале школы на встрече с депутатом, к которому она пару лет назад приходила хлопотать по поводу квартиры, народный избранник обратился к ней по имени-отчеству. Бабушка после этого сияла, как украшения на лбу фараона.

Свое влияние она использовала и при общении с директором школы и завучем (она знала их хорошо и всегда передавала привет не только детям, но и внукам). Когда недовольство Пашкой достигало запредельного уровня, завуч, поправляя очки и вежливо улыбаясь, просила бабушку «поговорить с ним».

— Вы уж объясните, что хорошо, а что плохо.

— Пробовали, — отвечала бабушка, — не понимает...

Впрочем, когда Пашка перешел в шестой класс, учителя вздохнули с облегчением. Фууууууф! Пашка перестал ходить на уроки. Наверное, они ему просто наскучили. Его свободная, творческая душа искала чего-то нового. Он не появлялся в классе, даже когда Костя сам доводил его до дверей школы и запускал внутрь. Потом выяснилось, что братик стягивал куртку, пробирался в туалет на первом этаже, открывал окна специально припасенной ручкой (вообще ручки по какой-то причине были сняты) — и сбежал.

Наверное, снег скрипел под его ногами, когда он бежал сломя голову от осточертевшего здания школы. А может, и не бежал вовсе — спокойно шел себе и шел.

В общем, никто в школе Пашку не любил. Кроме учительницы по рисованию. На то были причины: Пашка действительно неплохо рисовал. Ну Косте-то, положим, не нравилось. Но он плохо в этом разбирался. А учительница по рисованию разбиралась хорошо. Пашка ее уроки все равно прогуливал, но как-то стесняясь, что ли, нехотя. По привычке, а не по велению сердца.

Однажды Пашка нарисовал вазу, и учительница всем эту вазу показывала. И Косте показывала. После того как он нарисовал какой-то ужасный патиссон, похожий больше на кита, чем на овощ. Учительница покопалась в своих запасах и извлекла рисунок брата.

— Смотри, как Пашка рисует, а ты... — тут она поправила очки, — как кура лапой.

«Ну хоть не корова», — подумал Костя. А еще подумал, что она не видела Пашкины эротические комиксы!

Учительница была женщина маленькая и энергичная. Холл второго этажа после ее настоятельных просьб отдали под выставку лучших рисунков. Пашины работы там занимали самые престижные места. Она даже ходила к Паше домой и уговаривала бабушку отдать внука в художественную школу.

— У вашего ребенка — талант! — говорила она, поправляя очки. Она часто пожимала плечами и странно сводила брови на переносице.

Косте было немного завидно: про него ничего такого учителя не говорили. Больших проступков он не совершал, зато и большие победы обходили его стороной. За Пашкой же чувствовался размах души.

Учительница долго беседовала с бабушкой — мамы не было дома, — а бабушка вздыхала.

— Мы бы рады. Да что толку? Отдадим его туда — он ходить не будет, вот и все.

Это походило на правду.

— Вот если бы его в Суворовское училище...

Почему-то существовало поверье, что военная служба может изменить Пашку к лучшему.

— Зачем в Суворовское? — удивлялась учительница.

— Там пансион. И мимо КПП просто так не пройдешь, — объясняла бабушка, и в этих словах чувствовалась железная, твердая логика.

В общем, не сложилось у бабушки с учительницей.

Учительница же все равно Пашку поддерживала. Она отправила какие-то его рисунки (что-то зелено-синее) на конкурс, носивший фамилию известного художника. И — бамс! — Пашка выиграл. Вернее, получил Гран-при, а это означало не полную и безоговорочную победу, а что-то вроде утешительного приза. Говорят, когда об этом узнала директор школы, охочая до грамот и дипломов, которыми потом украшали стену в приемной, то решила, что ее разыгрывают.

— Он же двоечник!

— Ван Гог тоже был двоечником! — сказала учительница по рисованию и гордо поправила очки.

— Сомневаюсь, — сказала директор.

Пашке должны были торжественно вручить грамоту. Приезжал даже заместитель начальника районного отдела образования. Директор очень нервничала и на всякий случай меняла шторы в столовой. Пашку она долго предупреждала о том, чтобы он не забыл «хорошо одеться». Костю, кстати, тоже об этом предупредили.

— Это на твоей совести, — сказала ему директор.

— Несправедливо! — сказал Костя, но его не слушали.

Ну и, конечно, Пашка в тот день посидел на первом уроке, а на втором куда-то свалил.

Костю тут же вызвала директор.

— И где твой брат?

— Откуда я знаю...

— Иди и найди его.

— Где?

Костя хотел спросить, может, в капусте поискать, но не решился так уж откровенно дерзить.

— На бороде, — сказала директор, что с ее стороны было не очень педагогично.

Делать было нечего. Костя отыскал Пашкин класс и долго докапывался у одного его дружка по имени Гриша, где брательник может обитать. Этот Гриша — тертый калач — долго не хотел признаваться. От испуга он даже начал балакать по фене. Косте пришлось забыть про конвенцию ООН об обращении с военнопленными и вернуть мальцу руку.

— Ладно, — сдался Гриша, — он в компьютерном клубе.

— В каком?

Гриша нехотя назвал адрес. Костя в ковбойском стиле пообещал, что если тот соврал, то он вернется и разберется с ним. Тогда Гриша подумал и назвал другой адрес.

— Он там.

— Точно?

— Да я сам оттуда.

По Гришиному лицу невозможно было понять, врет он или нет — оно было хитро-непропускаемое. Но выбора не оставалось. Костя собрал вещички и почалпал в клуб. Школьный охранник долго не хотел его выпускать. Пришлось обращаться к завучу. Было даже приятно. Все же особое задание!

Костя дошел до клуба. Нажал звонок. Массивная дверь открылась. Пашка сидел за одним из компьютеров и орал в микрофон: «Обходи слева! Обходи слева!»

Пусть орал и не Косте, но брат все же обошел его слева. Положил руку на плечо.

— Здравствуй, Паша.

Пашка внимательно на Костю посмотрел. Лицо у Кости было недружелюбное.

— Я все понял, — сказал Пашка, — дай только доиграть. Тут ведь команда...

Но Костя был настроен серьезно. Костя доиграть не дал, и Пашка на него обиделся. Костя вел его по кварталу, как арестованного, держась на пару шагов позади, только руки у нарушителя режима не были связаны за спиной. Один раз Пашка предпринял попытку убежать, но Костя его догнал и бухнул в пыль.

— Ты что? Не хочешь диплом получить? — кричал Костя на него.

Пашка пожал плечами.

— На фиг он мне?

Костя задумался. Действительно, на фиг?

— На стену повесишь.

— Леня, — честно ответил Пашка. — Да и гвоздей дома нет...

Дальше шли без приключений.

В школе на Костю первым делом накричали.

— Почему твой брат в таком виде?!

А выглядел он действительно неважно. Падение в пыль сказывалось.

— Не знаю, — сказал я, — сами у него спросите.

Но с Пашкой директор не разговаривала — наверное, считала это ниже своего достоинства. Его кое-как привели в порядок. Дали щетку для одежды и причесали. Пашка насупился. Причесываться он не любил.

Заместитель начальника районного отдела образования в итоге не приехал. Приехал заместитель заместителя. Грустный, усатый, он даже не обратил внимания на Пашин внешний вид. И на занавески в столовке тоже. Просто дал ему эту бумажку — и все. Даже руку не пожал. Но директор, кажется, осталась довольна.

Этот диплом Пашка порывался выбросить, но мать отобрала и повесила у себя, на самом видном месте.

Больше Пашка никаких дипломов в школе не получал.

ПЕРВЫЙ РАЗ

В девятом классе угнетает все: родители, учителя, плохие отметки, погода, отсутствие денег, собственная несостоятельность. Наконец, девственность.

Мы сбивались в небольшие компании. Пять-шесть человек, старшему из нас едва-едва исполнилось шестнадцать. Начинались разговоры о сексе. Все хвастались подвигами. Раздавались смешки, одобрительные похлопыванья по плечу. Мне сказать было нечего. Я молчал. Посмеивался вместе со всеми и стыдливо отводил глаза. Я стыдился, даже несмотря на то, что знал: большая часть рассказов — наглая ложь, выдумки. Кирилл Линкович вообще пересказывал сюжет порнофильма «Горячие встречи на пляже-7». Я тоже этот фильм видел.

Да, хвастать было нечем. В присутствии девушек я робел и терялся. Заинтересовать кого-то своей персоной не получалось. Сексуальные подвиги... дальше поцелуев дело у меня не заходило! И то... Лишь один раз.

Мы тогда прогуливали школу с Димой Ивановым. Зашли к его знакомой. Там сидели еще две девушки. Пили вино. Было десять утра, но это никого не смущало. Дима Иванов рассказывал разные истории, я напряженно молчал. Одной из девушек стало плохо, она ушла. Дима уединился в спальне с другой. Мы остались вдвоем. Девушку звали Марина. Она походила на повзрослевшую Пеппи Длинный Чулок. Курила одну за другой. Пепел стряхивала в раковину.

Мы разговорились. Вернее, говорила она. Я же слушал. Как я выяснил много позже, уметь слушать — это великое искусство. Женщинам нравится. Тогда я этого не знал и слушал просто потому, что делать больше было нечего. На румынском кухонном шкафу я увидел стикер с изображением Винни-Пуха. Обстановка дешевая, но романтическая. Один на один с девушкой, старше на два года, курящей, с губами, синими от плохого вина.

Марина говорила о тяжелых отношениях со своим бойфрендом. Я его знал, и мне он не нравился, как мне не нравились все спортсмены. В моем лице она нашла поддержку. Она говорила все тише и нежнее. В общем, в какой-то момент мы стали целоваться. Она, конечно, солировала, что уж там. Ощущения были волшебные.

По Марине я потом страдал месяц, но, конечно, все было кончено в тот же момент, как началось. Целоваться я толком не умел и смотрел на нее слишком влюбленными глазами. Холодность и бритый затылок спортсмена привлекали Марину гораздо больше. Шансов у меня не было, поэтому я даже здороваться с ней перестал.

Я страдал удаленно, молча. Взял у Линковича посмотреть основательно затертую кассету «Горячие встречи на пляже-7».

Потом настало лето, полное мучительного одиночества (все разъехались).

Осень пришла неожиданно и сдула листву с деревьев. Я ходил печальный и загадочный. Кажется, в то время я начал писать стихи. Вернее, это были не стихи, а песни. Я мечтал сколотить рок-группу. Названия у песен были захватывающие: «Отреченные», «Между небом и землей» и еще почему-то «Плакучая ива». Песни хранились в толстой красной тетрадке. Их я никому не показывал. Не было человека, который смог бы их оценить по достоинству.

Что-то изменилось в воздухе, потому что мальчишеские компании перестали быть просто мальчишескими. Мы теперь тусовались вместе с девчонками. Было чертовски приятно. Девушки попадались не из числа романтических. Они плевались сквозь зубы, курили, лузгали семечки и ругались матом. Других поблизости не было. Но мы и сами их стоили.

Мне приглянулась одна. Внешним видом она напоминала белочку. Смешная светлая челка, на которую нужно изводить полбаллона лака каждый день. Губы тонкие, как нити, а скулы, наоборот, выступавшие, круглые. Пожалуй, не красавица. Она любила смеяться и смеялась много и, главное, красиво. Стоило ее рассмешить, как взгляд у нее становился нежным, как топленое молоко. В такие минуты она была очаровательна. Она была меня на год старше.

Мы стали прогуливаться вместе. Важный ритуал! Мы держались на небольшом расстоянии друг от друга. Лились бессмысленные разговоры. Впрочем, она болтала не очень много. Я старался ее рассмешить. Ради этого каждое утро покупал в газетном ларьке свежий выпуск бюллетеня с анекдотами. Анекдоты кое-как оседали в памяти. Я не мог, конечно, соревноваться в мастерстве с Кириллом Линковичем, он знал тысячу шуток и умел выдавать их в нужный момент с единственно верной интонацией. Но кое-что у меня все же получалось. Девушка смеялась. Ее звали Лена.

Однажды я проводил ее до квартиры. Мы поднялись на последний, пятый этаж панельной хрущевки. Я попрощался, а она неожиданно привлекла меня к себе (я стоял на ступеньку ниже, и наши головы находились на одном уровне). Поцелуй не произвел на меня такого магического эффекта, как в первый раз. Целовалась она, пожалуй, хуже Марины. Но я был очень рад. Да что там, счастлив.

Мы официально стали парой. То есть могли гулять теперь, держась за руки. В компании над нами сначала немного подшучивали, потом перестали. Все-таки не в пятом классе уже.

Я стал кое-что узнавать о ней. Папа в начале девяностых уехал в Бразилию. Мама (худая, коротко стриженная, еще вполне себе симпатичная) жила с другим мужчиной (тоже худым, коротко стриженным, вполне себе симпатичным). Отчим относился к Лене хорошо. Нормально. У них двухкомнатная квартира, и это прекрасно. Не все могли похвастаться такими потрясающими условиями. Особенных мечтаний или планов у нее не было. Глубоких мыслей — тоже, музыка ей нравилась самая обыкновенная, спорт не интересовал. Мне с ней бывало хорошо.

Наши отношения омрачало присутствие бывшего. Его тень всегда нависала над нами. Я ревновал. Самое ужасное, она призналась, что однажды спала с ним. Я едва пережил эту новость. Потом, правда, выяснилось, что он у нее не первый. Третий. Я словно открывал для себя новую вселенную. О первом она говорила неохотно. «Взрослый мужчина в Москве». Второй — какой-то парень из лагеря. Ну и этот...

Она спросила меня, спал ли я с кем-то. Я сказал, с трудом скрывая смущение: нет, ни с кем. Она удивилась.

— Ну, — сказала она, — это можно исправить.

Она сказала это так, словно речь шла о поломке автомобиля. И нежно коснулась меня рукой.

- Прекрасно, — сказал я.
- Нужно только найти место.
- С этим проблемы.
- Я знаю. Если мы найдем место, тогда...

Я судорожно стал хватать ртом воздух.

К сожалению, ее мама не работала, а значит, шанс был только один: пойти ко мне. Но у меня дома — бабушка. Разрешить это противоречие невозможно. Следующие две недели я ходил грустный. Летом, думал я, можно взять одеяло, бутербродов и пойти в колхозные поля, благо недалеко. Но на земле лежал снег. Я тосковал.

Лена пожимала плечами. Как будто ей все равно. Мы продолжали прогуливаться по улицам. Но теперь я маялся и не находил себе места. Внезапно мне повезло. Бабушка обронила в телефонном разговоре, что завтра пойдет на обследование в больницу.

— Там такая морока, — говорила бабушка. — Там столько процедур! Придется провести часов пять, не меньше...

Часов пять, не меньше! Я тут же оделся и пошел к Лене. Она встретила меня холодно.

- Я с радостной новостью, — сказал я.
- Ну?

Я рассказал ей о бабушке, больнице и пяти часах. Она пожала плечами.

- Это интересно, — говорит.

Интересно? И все? Я, конечно, себе это как-то по-другому представлял.

- Ладно, — говорю, — я зайду за тобой, как только бабушка уйдет.
- А что я матери скажу?
- Скажи, тебе к третьему уроку...

Она задумалась. Очень ответственный момент. Какие же мысли крутились у нее в голове? Наконец она согласилась.

- Но не придешь до десяти, я пойду в школу, — добавила она зачем-то.

Утром я сильно нервничал. Зубы чистил остервенело, до блеска. Воспользовался оставленным отцом одеколоном. Мать собиралась на работу. Бабушка тоже ходила по коридору туда-сюда. Почему-то мигала лампочка в коридоре. Я пытался вести себя естественно.

Мы вышли из дома вдвоем с матерью и разошлись. Она пожелала мне удачи.

- Да, она мне пригодится, — сказал я.
- Сегодня контрольная?
- Что-то вроде того...

Я посмотрел, как мать сворачивает за угол, и вернулся обратно, встал за трансформаторную будку прямо напротив своего подъезда и стал наблюдать, идет бабушка или нет. Бабушка не шла. Подул ветер, стало зябко. Я ежился на холоде и переминался с ноги на ногу. В голову полезли всякие мысли. Вдруг бабушка передумала? Вдруг речь шла о среде на следующей неделе? Вдруг это все сделано специально, чтобы вывести меня на чистую воду?

Я посматривал на часы. Половина десятого, без двадцати, без десяти... Я напряженно пялился на дверь подъезда. Там кто-то размашисто написал: «Дерьмократы не пройдут».

Когда я уже готов был плюнуть на все и пойти в школу, бабушка, в сером пальто, появилась на улице. Она медленно шла к остановке. Я внимательно следил за ней. Шажки у нее были маленькие, бабушка болела. Она так долго пересекала двор, что я почувствовал какое-то щемящее чувство, мне незнакомое. Я подумал: а может, помочь ей? Но не решился. Струхнул. Да и планы другие...

Убедившись, что она ушла, я бросился к дому Лены. Я знал, у меня почти нет времени. Третий урок начинался в пять минут одиннадцатого. Мне удалось застать ее выходящей из дома.

— А вот и ты, — сказала она и вынула изо рта леденец. — Думала, не придешь.

— Я не мог такое пропустить.

Лена внимательно посмотрела на свое окно, задернутое занавеской.

— Ну пойдем, — сказала она, пожимая плечами.

Мы подошли к моему подъезду. Во рту пересохло. Нечто подобное я испытывал, когда меня вызывали отвечать по геометрии к доске. Это было похоже на прыжок со скалы в пустоту. Кроме того, я переживал, что бабушка может вернуться. Впрочем, я заготовил не очень убедительную, но единственно возможную версию отмены урока.

Я открыл ключом дверь и сказал на всякий случай: «Привет, ба!»

Но ба не было. Я расслабился.

— Раздевайся, — говорю, — до трусов.

— Смешно, — сказала Лена. Она сняла свою шубейку, сапоги и прошла на кухню.

— Хочешь чаю? — спросил я.

— Ну, давай.

— Может, надо было пиво взять?

— Зачем?

— Так...

Я поставил чайник, и он долго закипал. Мы сидели за столом и молчали. Я не знал, о чем говорить. Кроме того, не представлял, как, собственно, перейти к самому главному.

— Хочешь конфет? — спросил я.

— Можно.

Я разлил по чашкам чай, достал с верхней полки конфеты. Мы стали пить из больших керамических кружек. Я решил, что дальше молчание продолжаться не может, и стал говорить, кажется, об уроках. Учились мы оба плохо, поэтому проблем для обсуждения хватало.

Чай кончился.

— Может, еще? — спросил я.

— Нет, — сказала Лена, — пойдем.

Она встала и взяла меня за руку. «Адам и Ева», — почему-то пронеслось у меня в голове. Мы пошли в мою комнату. Это была узкая каморка, в которой помещались раскладной диван, комод и шкаф с одеждой. Кровать была не убрана.

— А другая кровать есть? — спросила Ева.

— Есть, — ответил Адам.

Я отвел ее в комнату мамы. Раньше это была комната родителей. А теперь просто — комната мамы. Там стоял сладковатый запах духов.

— Вот, — сказал я.

— Ага.

Лена села на диван и стала раздеваться. Я, подавляя смущение, тоже.

Раздевшись, она залезла под одеяло.

— Холодно, — пояснила она, — ты скоро?

— Да, сейчас.

Волнуясь, я не мог справиться с пуговицами рубашки.

Наконец все получилось, я тоже оказался под одеялом.

— Ты красивая, — сказал я.

— Ага, — сказала Лена.

Мы поцеловались. Губы у нее были холодные.

— Ну, давай, — сказала она, как тренер в физкультурном зале.

Я начал делать механические движения. Было непривычно, тесно, щекотно.

— Тебе удобно? — спросил я.

— Вполне. Рисунок на обоях интересный.

— Мать выбирала...

— А что нам по геометрии задали в прошлый раз?

— Не знаю.

Так продолжалось минут пять.

— Снег пошел, — сказал я неожиданно.

— В новостях обещали, — проглатывая некоторые гласные, сказала Лена.

— Надеюсь, похолодания не будет.

— Не должно.

Неожиданно я почувствовал что-то вроде жжения.

— Похолодания не будет, — повторяла Лена, — похолодания не будет, похолодания не...

Тут раздался звук ключа, поворачивающегося в замочной скважине. Как я его услышал? Но он звучал так громко, что, казалось, гремит набат.

— Шухер! Бабка вернулась!

Мы оба замерли. Даже дышать перестали. И пошевелиться не могли. Я вслушался. Ключ не открывал дверь, механизм беспомощно клацал. Я закрыл дверь на защелку.

Бабушка поняла, что кто-то дома, и позвонила в звонок.

Я подскочил.

— Все, — сказал я, — мы пропали, одевайся!

Я бросил ей одежду. Она стала быстро натягивать ее на себя.

— Уйдешь через окно!

Лена даже не поверила.

— Что?

— Уйдешь через окно!

— Я что — акробат?

— Ну же! Тут первый этаж... Это единственный шанс!

— Для чего?

— Спасти от бабки!

В дверь позвонили настойчивей.

— Сейчас, — крикнул я из комнаты, — у меня нога застряла!

— Где, — спросила Лена, — интересно, у тебя нога застряла?

Одевалась она как будто специально медленно.

Бабушка опять звонила и принялась стучать в дверь.

— Костя! Все в порядке?

Я прокрался в коридор, взял ее сапоги, шубу. Бросил Лене.

— Ну пожалуйста, быстрее...

— А причесаться?

Я рывком поднял ее, всучил шубу, открыл окно.

— Высоковато, — сказала Лена.

— Брось! Первый же этаж.

— Я не ковбой!

— Сделай это... Спаси нас...

— Я очень недовольна, — сказала она, пискнула и прыгнула вниз. Высота действительно была небольшая. К тому же — снег.

— Как?

— Неприятно...

— Увидимся, — сказал я и пошел открывать дверь.

Бабка была в гневе. Она смотрела на меня, как лейтенант КГБ.

— Что это еще за номера?

Я решил изображать хромоту.

— Да видишь... прилег, вскочил — нога подвернулась...

Бабка, наверное, не поверила.

— А почему ты не в школе?

— Занятия отменили.

— Почему это?

— Да опять учения с этим хлором... или аммиаком.

Бабушка походила по коридору, рассматривая обстановку. Клянусь, она принюхивалась!

— И это аммиак? — тут она подняла с пола шапку, шарф и перчатки Лены.

Я почувствовал, что пропал.

Нужно было что-то говорить.

— Это одной знакомой. Заходила, но ушла.

— Без перчаток и шарфа?

— На улице потеплело.

Бабушка ничего не сказала. Ушла к себе.

Вечером она жаловалась на меня матери: «Ходят к нему тут всякие! Еще, не приведи Господи, по телевизору что-то такое смотрят...»

Услышав это, я успокоился.

А с Леной мы через месяц расстались.

ВСТРЕЧА

Однажды субботним днем позвонил отец. Костя подошел к телефону, хотя делал это редко — а тут мимо проходил, не отвертись. Голос отца звучал глухо, как из бочки, но не узнать его было невозможно.

— Алло, алло, это Пашка? — спросил отец.

Костя почему-то разозлился.

— Нет, это Стас.

— Какой Стас? — переспросил отец.

— Да шучу. Это Костя...

Отец прокашлялся.

— Как у вас дела?

— Потихонечку, — сквозь зубы сказал Костя. Он не видел отца почти год.

— Мама не болеет?

— Нет, на работу ходит.

— На работу? Да нет. Я имею в виду, моя мама. Твоя бабушка.

— Нет. Не болеет.

— Хорошо.

Опять кашель. А потом — молчание.

— Слушай, — сказал отец, — надо встретиться.

— Зачем? — искренне удивился Костя.

— Надо поговорить.

— Ну, давай встретимся.

— У тебя ведь день рождения скоро...

— Был пять дней назад.

— Ну, да. Ну да. Время быстро идет, а? Еще недавно ты был крошкой трехлетней, а теперь вот уже двенадцать — большой.

— Слушай, папа, — устало сказал Костя, — мне уже четырнадцать. И вообще...

Но он не договорил, хотел сказать что-то дерзкое, но духу не хватило.

— Вообще, — повторил Костя и вздохнул.

Они обговорили, где встретятся. Выбрали Александровский сад.

— В зоопарк ходим, — сказал отец, Костю эта перспектива не радовала.

— Кто звонил? — спросил Пашка, когда он повесил трубку и вернулся в комнату.

— Отец.

Пашка презрительно фыркнул.

— И ты с ним разговариваешь?

— Ну да. А что?

— Терпеть его не могу! Он же настоящий предатель!

— Кто предатель?

— Да отец!

Костя разозлился.

— Сам ты предатель! Думай, что говоришь!

— А ты хочешь сказать, он тебя не предал, когда из дома ушел?

— Не знаю, — сказал Костя, — нет, не предал.

— А маму? Маму не предал?

Костя был готов бросить что-нибудь тяжелое в брата.

— Это не мое дело! Отстань! С кем хочу, с тем и разговариваю! Тоже мне — защитник всех униженных и оскорбленных!

Едва не завязалась драка, но Косте нужно было уходить. Он махнул на Пашку рукой и вышел из комнаты. В дверях его задержала мать.

— Ты куда?

— Прогуляюсь.

— Хлеба купи.

— Я надолго.

— Тогда яиц еще.

— Мне деньги нужны!

— У тебя ведь сдача должна была остаться?

Костя ее давно потратил.

— Хорошо, — сказал он, а сам подумал, что отец ему наверняка подкинет денег. Все-таки день рождения — и все такое.

До «Горьковской» добрался без проблем, быстро. В школе задали «Отцы и дети». Он ехал, поглядывал в текст и периодически думал о том, какой молодец Базаров, не то что эта рохля... как его там... Впрочем, дочитать не успел.

Встал у выхода из метро. Позади надрывались десантники с гитарами. Пели что-то про авианалеты.

— Желающие, — сказал один из них во время паузы, — могут приобрести наши аудиокассеты с автографами Розенбаума!

Отца все не было. Костя сходил к памятнику «Стерегающему», вернулся обратно, съел мороженое, прослушал три десантных песни — и только тогда из метро появился отец. Выглядел он странновато. Как будто потолстел даже, а вот голова стала совсем седая. Лицо обрюзгшее. На носу огромные солнечные очки. Песочного цвета рубашка и такого же цвета штаны. Прямо Индиана Джонс. Шел он, слегка покачиваясь. Спустился по ступенькам, стал оглядываться. Взгляд скользнул по Косте — и пошел дальше. Костя махнул рукой и выдвинулся к нему, отец заметил.

— Ну вот и ты, — сказал отец и обнял его. От него пахло перегаром и, кажется, луком.

— А вот и ты, — прохрипел Костя.

- Давно стоишь?
- Нет, — соврал Костя.
- Давай где-нибудь присядем.

Они углубились в парк. Нашли пустую скамейку. Отец закурил. Костя подумал, может, тоже достать сигаретку? Но решил не рисковать.

- В зоопарк пойдем? — спросил отец.
- Нет. Что я там не видел?
- Вот и я подумал...

Отец убрал зажигалку и вздохнул.

- Ну как там у вас?
- Да как обычно. А у тебя?
- И у меня как обычно.
- Вот и здорово.

Отец опять прокашлялся. Видимо, он так делал всегда, когда нужно было заполнить паузу.

- Мать-то что-нибудь говорит про меня?
- Сейчас нет.
- А раньше?
- Раньше говорила.
- И что?
- Я лучше не буду повторять...

Отец хлопнул себя по колену. Наверное, это означало досаду.

- Так я и думал. Она, конечно, не понимает...
- Что, — спросил Костя, — она не понимает?
- Ничего. Решительно ничего! А ведь я страдал, ты понимаешь?
- Понимаю, — сказал Костя, хотя не понимал.
- Да и сейчас страдаю! Вы ведь не знаете всей ситуации...
- Какой ситуации?
- Вы не видите всей картины. Только маленький ее кусочек.

Косте стало интересно. Отцовское лицо выражало крайнюю степень волнения.

В глазах появилась влага.

- Ведь я вынужден был... Должен был уйти, скрыться...
- Скрыться?
- Конечно! Разве она не сказала вам? Меня преследовали...

Костя все не понимал, куда клонит отец.

- Кто? Кто преследовал?
- Недоброжелатели.
- Костя протер глаза, в которые набежавший ветер бросил песок.
- Какие, папа, у тебя могут быть недоброжелатели?
- Обычные. Самые обыкновенные. Как и у всех.
- Бандиты?
- Конечно! Мне хотели поставить утюг на грудь. Вот сюда!

Отец два раза ткнул себя пальцем в грудь.

- Поставили?
- Нет. Не успели. Я улизнул. Все получилось не так, как планировал... Бизнес накрылся... Все пошло прахом.

Костя задумался.

- А почему нас тогда не трогали?
- Я попросил! — тут же ответил отец.

Костя внимательно смотрел на отца. Ему казалось, что он видит какого-то неловкого актера, который только исполняет роль его отца.

— Подожди. То есть получается, ты куда-то скрылся, бросив нас на произвол судьбы, а сам просто попросил каких-то людей, которые хотели поставить тебе на грудь утюг, чтобы они нас не трогали?

— Да! — сказал отец с жаром.

Костя смотрел на него внимательно.

— И ты им поверил?

Отец опять закашлялся.

— Такие люди слов на ветер не бросают, — сказал он, когда приступ подошел к концу.

— Звучит странно, — сказал Костя.

— Конечно! Я бы сам не поверил!

Отец уже закуривал новую сигарету.

— И что теперь? — спросил Костя.

— Теперь... Вот я вернулся. Думаю осмотреться, сообразить, что к чему. Оклема-ть-ся... Зализать раны...

— Зализать раны?

— Ну это я образно...

Костя молчал.

— В общем, — продолжил отец, — я тут хотел тебя попросить... по телефону было бы неловко. Ты знаешь, у вас там, на шкафу, стоит инкрустированная рама от картины.

— Какая рамка?

— Инкрустированная. Ну такая зеленая, большая.

Костя вспомнил. Действительно, какая-то рамка есть.

— И что?

— Видишь ли, она моя. Мне ее тетя Тома подарила перед смертью. Ты возьми ее и мне принеси, хорошо?

Костя вдруг почувствовал себя идиотом.

— Что? Какую еще рамку тебе принести? А мама?

— Маме можешь не говорить.

Костя открыл рот от удивления. Он хотел что-то сказать отцу, но не мог подобрать нужных слов.

— Зачем тебе рамка? — наконец выпалил он.

— Нужны кое-какие средства. Жить в бегах непросто. А рамка моя, понимаешь? Моя...

— По-моему, она бабушкина.

— Нет, моя. Бабушке, кстати, тоже не говори.

Костя встал. Дотронулся до отцовского плеча.

— Пап, я не знаю, может, тебе... полечиться, что ли?

— Чего?

— Ну какие рамки, какие бега... возвращайся обратно. Живи по-человечески. Что ты устраиваешь здесь цирк или зоопарк, черт его знает...

Костя снова подумал, что, пожалуй, можно закурить. Но все же не стал.

Отец внимательно смотрел на Костю. «Еще пару лет назад он бы меня за такие слова ударил», — пронеслось в Костиной голове, но сейчас он не боялся. Знал, что отец его не тронет. Перед ним сидел немолодой и смешноватый такой человек.

— Пойдем, пап.

— Куда? — спросил отец.

— Куда-нибудь. Домой.

Отец грустно усмехнулся.

— Да меня твоя мама тут же съест.

— Не съест. Я не дам.

Отец еще раз посмотрел на Костю, а потом отвернулся.

— Ладно, — сказал он, вставая, — я-то, дурак, рассчитывал найти тут поддержку, а вместо этого...

Он встал, отряхнулся.

— Значит, не принесешь рамку?

— Нет.

— Ладно, — сказал отец, — где наша не пропадала!

Он сделал несколько шагов в сторону аллеи. Потом вернулся.

— Слушай... это... А пятидесяти рублей у тебя нет... Может, мама дала?

Костя почувствовал брезгливое раздражение. Нашупал в кармане мелочь. Двадцать восемь рублей.

— На обратную дорогу? — спросил отец.

— У меня карточка.

— Тогда я возьму. С зарплаты отдам. Это восьмого.

— Сегодня десятое.

— Вот я и говорю. Адьос. Если что — я свяжусь. Живу пока на конспиративной квартире. Маме о нашей встрече ни слова. И бабушке.

И он ушел, слегка покачиваясь то влево, то вправо, как маятник.

«Похоже, — сказал сам себе Костя, — у моего папочки поехала крыша».

Потянулся в карман, чтобы закурить. А сигарет не было...

Он вернулся домой на трамвае, но читать не получалось. Сидел, смотрел в окно. Проносились деревья, остановки. Пару раз на него накатывало. Было обидно. И как-то жалко отца.

Мать на кухне читала корректуру. Костя сделал чай.

— Купил яйца?

— Забыл, — сказал Костя, — да и денег нет.

— Как нет?

— Кончились.

Мать отложила карандаш.

— Ну сколько раз можно говорить... каждая копейка на счету...

— Извини, — сказал Костя, опустив взгляд. — Ты мне дай денег — я схожу, куплю, а потом тебе отдам.

— С первой зарплаты?

— Ну, со второй, может.

Костя быстро выпил чай и опять собрался на выход.

— Слушай, — спросил он вдруг маму, — а там рамка на шкафу, она откуда у нас?

— Твоя бабушка подарила на свадьбу.

— Тебе или отцу?

— Нам, — сказал мать, — тогда были «мы». Нам и подарила.

— Ясно. Я, кстати, видел его сегодня.

Мама неожиданно подавилась сигаретным дымом.

— Что? Кого видел? Отца?

— Ага. Мы встретились. Типа того...

— А мне почему не сказал?

— Не хотел волновать.

— А сейчас зачем говоришь?

— Не знаю. Думаю, ты должна знать.

Мама кивнула. Костя вышел в коридор. Натянул кроссовки. Взял куртку. Открыл дверь. Тут мама остановила его.

— Ну и как? Как он?

Костя пожал плечами.

— Да не очень.

— Пьет?

— Думаю, да.

— Что-нибудь говорил?

— Бред какой-то нес... Преследуют его...

— Это у него белая горячка началась. Если его кто и преследует, так это его бабы!

Мама неожиданно разозлилась, прикрикнула на Костю. Он вышел за дверь.

— Я-то здесь при чем? Я в чем виноват? Вы там не можете разобраться, а я крайний? Почему? Не из-за меня же вы расстались? Ну и живите себе, не трогайте меня!

Костя почувствовал, что глаза наполняются влагой.

«Весь в отца», — подумал он про себя со злобой.

А ведь он не плакал уже давно.

ФИНИТА ЛЯ КОМЕДИЯ

Как-то вечером бабушка пошла на кухню и включила газ. Она хотела приготовить яичницу. Два белых маленьких яйца остались лежать на столе. Бабушка включила газ и упала в обморок. Обнаружили это не сразу, а минут через пять, почувствовав запах газа. Бабушке удалось упасть на удивление тихо. Ее нашел Пашка — и очень испугался. Стал звать меня, мать. Мы прибежали. Я замер от ужаса, а мать быстро сообразила, что к чему.

— Открой окно! Скорее открой окно! — кричала она.

Мы подняли бабушку и прислонили к стене. Мама искала что-то в серванте.

— Нашатырь? У нас есть нашатырь?

Нашатыря у нас не было. Только подсолнечное масло и уксус. К счастью, бабушка сама пришла в себя.

— Что случилось? — спросила мать. — Вы в порядке?

Она с ней всегда была на «вы».

Бабушка выглядела как-то странно. Ее глаза непрерывно двигались. Казалось, это не глаза, а шарики для пинбола. Она смотрела на нас, но никого не узнавала. Вызвали «скорую». Мы перенесли бабушку в ее комнату. Она продолжала сидеть на постели и бешено вращать глазами.

Пашку отправили в его комнату. Он беспомощно и молча плакал. Лишь мать сохраняла хладнокровие, чего на самом деле я не ожидал. Он даже не курил. Только бормотала про себя: «Финита ля комедия, финита...» Не знаю, зачем она это говорила.

Приехала неприятная врачиха, похожая на бегемота. У нее был чемоданчик, наполненный прозрачными колбочками. Меня выпроводили из комнаты.

Пашка был как на иголках.

— Ну что там? Что?

— Непонятно.

— Они сделали ей укол?

— Укол? Не знаю.

— Должны. Укол ей поможет.

На самом деле укол ей не помог бы. У бабушки случился инсульт. День ото дня ей становилось хуже. Казалось, она понемногу превращается в камень. Ни руками,

ни ногами она уже не могла пошевелить. Потом она стала нас путать. Меня называла Пашкой, а Пашку — именем отца.

Однажды я пробрался к ней. Вообще в ее комнату я старался не заходить. Меня пугала тишина. Время там словно остановилось. Она лежала на диване и смотрела в потолок стеклянным взглядом. Казалось, она читает только одну ей видимую книгу.

— Бабушка, не умирай, — сказал я ей.

Бабушка молчала.

— Не умирай, слышишь?

Ее рот приоткрылся. Я думал, она скажет что-то. Но она только причмокнула пару раз.

К бабушке время от времени приходили врачи. Они делали умные лица и что-то кололи ей. Но ничего не помогало. Тогда мама пригласила еще кого-то, вроде шамана, потому что обыкновенные доктора никак не могли поставить диагноз. Один просто развел руки в стороны.

— Что вам сказать... старость.

Шаман был одет во всё черное. Самым выдающимся предметом его гардероба была старомодная шляпа. На шамана он не был похож, скорее на литератора или университетского профессора. Лицо его показалось знакомым.

— Где у вас можно помыть руки? — спросил он, и вопрос показался мне глупым.

Я проводил его. Потом он пришел к бабушке. Он находился в той комнате сорок минут. Наконец он вышел.

— Попробуйте это, я думаю, сработает, — сказал он, надел плащ, шляпу и вышел.

— Что он посоветовал? — спросил я.

Мать была готова заплакать.

— Иглокалывание...

Мать откуда-то узнала телефон того места, где обитал отец, позвонила ему. Но он и не думал объявляться. Наверное, спал под каким-нибудь камнем.

Двадцатого декабря бабушка умерла. Это случилось вечером, и больше о том дне я ничего не помню, вообще ничего. Ну, то есть я не могу сказать, было ли холодно или относительно тепло, шел ли снег и какого он был цвета. Я не помню, что делал в тот день и что делал в тот день Пашка. Помню, что отца дома не было.

Мать была. Она сидела на кухне. Горел газ. На ее плечи была накинута вязаная кофта красного цвета. Мне кофта казалась ужасной, просто отвратительной. Мама делала что-то по работе. Иногда ей приходилось брать какие-то записи на дом. Я хорошо помню эти тексты, исчерканные простым карандашом вдоль и поперек. Некоторые выглядели почище. Редко-редко удавалось увидеть почти идеальные, девственно чистые листы, где даже моя мать, лучшая ищейка в городе, не могла найти ошибок. Она работала над такими текстами, улыбаясь.

Но в тот вечер тексты попались паршивые. Мать согнулась над ними. Карандаш в ее руке плясал.

— Как дела? — спросил я.

— Нормально.

— Помочь?

— Не надо. Спасибо. Нет-нет.

Я постоял немного и ушел к себе в комнату. К бабушке я не заходил. Пашка резался в «Контру». Я же засел за книгу. Минут через десять вошла мать, вся бледная, худая, она сама походила на смерть.

Она села на мой диван. Я сразу почувствовал, что-то случилось.

— Мальчики...

Пашка продолжал проходить сложный седьмой уровень.

— Мальчики... Надо сказать.

— Сейчас, сейчас, ма.

— Положи немедленно эту штуку!

Мать затряслась. Пашка отбросил джойстик, словно тот был раскален добела.

— Ваша бабушка умерла, — сказала она едва слышно.

Мне до этого приходилось видеть труп. Когда выносили из квартиры соседа и родители завесили тряпками зеркала. Еще помню, как рядом с детским садиком нашли чье-то тело. Дядя Вадик был поставлен за ним присматривать. Он сидел рядом с трупом и курил «Беломор». Мы, мальчишки, ошивались рядом.

— Дядь Вадик, а кто это?

Он молчал и курил.

— Дядя Вадик?

— Никто! Пошли отсюда! Нечего глазеть!

Но нам становилось только интереснее. На трупе были кожаная куртка, черные лакированные башмаки. При дневном свете поблескивали часы на левой руке.

— Бандит, — определил наметанным взглядом Линкович. — За базар отвечаю!

Труповозка забрала его только к вечеру, когда труп уже воспринимался всеми как часть пейзажа, некий интересный элемент, вроде виньетки. И ботинок на нем уже не было.

Но смотреть на мертвую бабушку — это было что-то другое. Странно было видеть человека, который вот-вот был жив, а теперь вдруг мертв. И все. Мне казалось, это не бабушка, а ее не очень удачная копия.

— Надо куда-то позвонить, — твердила мама, — надо куда-то позвонить.

Я понял, что должен взять всё в свои руки.

— Я сделаю, мама. Не переживай.

Она посмотрела на меня удивленно, но при этом с благодарностью.

Я позвонил в «скорую».

— Приезжайте... У нас бабушка умерла.

На том конце провода кто-то хрюкнул.

— Так чем мы можем помочь, если она умерла?

К счастью, подсказали какой-то телефон. Приехали санитары.

— Мертва, — сказал молодой усталый мужичок в белом халате. Потом он посмотрел на нас страдальчески. — Неудачный день сегодня. Пятый труп.

Мы пожалы плечами. Для нас это был первый, но самый важный труп.

Мама очень много плакала в тот вечер. Казалось, ее переломит пополам.

— Я ведь даже не попрощалась с ней, — твердила она, — даже не попрощалась...

Она плакала, курила и говорила, что никогда себе этого не простит. Мне все это казалось странным, ведь при жизни мама с бабушкой не очень ладили. Я бы даже сказал, что их отношения никогда не были столь хороши, как во время бабушкиной болезни. Может быть, поэтому она заливалась слезами? Страдала из-за потерянного мимолетного счастья?

Пашка тоже плакал, молча и много. Казалось, внутри его головы открыли кран с соленой водой. Я не плакал. Не потому, что старался показаться настоящим мужиком, мне просто не хотелось. Я выкурил сигарету и вспомнил, как бабушка меня застукала за этим занятием и не выдала родителям. Мне показалось, что я ее никогда не ценил. Ее никто не ценил.

Отец объявился на второй день. Как обычно, он был похож на усталую побитую собаку. Он него несло перегаром. Голову он не поднимал.

С мамой они долго разговаривали о чем-то на кухне.

— Наследство делят, — почему-то сказал Пашка. Хотя я знал, что это бред.

Он на цыпочках стал красться к двери.

— Стой! — сказал я.

— Что?

— Много будешь знать — скоро состаришься.

Пашка замер в недоумении.

— Серьезно, — сказал я и добавил для убедительности поговорку про любопытную Варвару.

— Разве тебе не интересно? — обиженно спросил Пашка.

— Нет, — отрезал я.

Мне действительно было неинтересно.

— Как ты думаешь, она его выгонит? — не унимался Пашка.

— Кого? Отца? Не знаю.

— Я думаю, выгонит.

— И куда он пойдет?

— А где он был?

Я отложил книгу.

— Выгонит — не выгонит, какая разница?

— Я волнуюсь.

— А ты что хочешь?

Пашка задумался.

— Мне его жалко, — сказал он наконец. — А тебе?

— Мне — нет. Уже нет.

— А раньше?

— Раньше бывало.

— Что-то нам не везет, — сказал Пашка и больше ничего не говорил.

А отец, конечно, остался. Нам он так ничего и не сказал. Вообще. Как будто его не было не три года, а три дня. Пашка даже не здоровался с ним.

А у меня духу не хватило. Я сказал: «Здрассьте».

На следующий день были похороны. Мать все организовала. Она была молчалива, тверда, энергична. Мне даже показалось, она словно помолодела в эти дни. Может быть, всё дело в этой холодной уверенности?

Крематорий оказался похожим на санаторий. Красивый белый парк с заснеженными деревьями и в глубине двухэтажное здание, облицованное серым гранитом. У входа толпились люди, все в черном. Здесь собирались группками и смотрели листы с расписанием похорон. На каждую смерть отводилось полчаса. В некоторые графы фамилии были вписаны от руки.

Наше прощание должно было начаться ровно в два, но церемония задерживалась.

Собрались родственники. Их было не очень много. Мы коротко поздоровались. Потянулись тихие, хрупкие, как стекло, разговоры. Я подумал, что мне очень хочется есть. Очень. Без десяти три вышла женщина в темно-голубом платье и пригласила нас в зал номер два.

Мы, а нас было человек пятнадцать, молча проследовали за ней. Я испытывал любопытство, но мне казалось, что любопытство сейчас не самое благодетельное чувство, поэтому старался сделать скорбное лицо и хмурился.

Зал для прощаний показался мне довольно обычным. Кажется, нечто подобное я уже видел в каком-то фильме. А может, и нет, но в любом случае эта просторная комната с высоким потолком вполне соответствовала моим ожиданиям. В центре на возвышении стоял гроб. Крышка была открыта. Бабушка, похожая на плохую восковую копию себя самой, лежала в нем. Руки скрещены на груди, в них зажата иконка и, кажется, свеча.

Мы окружили это возвышение. Женщина, встречавшая нас, стала говорить какие-то скорбные слова. Она говорила негромким, но хорошо поставленным голосом. Слова разлетались под сводами и падали на каждого откуда-то сверху. То ли сотрудница крематория была настоящим мастером своего дела, то ли сказалась моя впечатлительность, но спустя десять, может, двадцать секунд я глотал слезы. Да и у всех глаза были на мокром месте.

Это продолжалось некоторое время. Потом женщина разрешила нам попрощаться с бабушкой. Кажется, она употребила оборот, вроде «теперь вы можете отдать последние почести», что-то в этом роде.

Мы стали подходить к телу. Я был одним из первых и немного растерялся. С одной стороны, губа у меня была прикушена, потому что я боялся разреветься, как девчонка. С другой — бабушка выглядела настолько неестественно, что у меня на пару секунд возникли подозрения: а она ли это вообще. Так или иначе, я поцеловал ее в лоб и шагнул в угол.

Ко мне подошел Пашка. Мы стояли рядом. Молчали. Пожалуй, никогда до и никогда после мы не были с ним так близки, как в эти минуты.

Потом от одной из стен отделилось несколько крупных мужчин — тоже местных сотрудников. Они взяли гроб и перенесли его на ленту, напоминая ту, что используется на разных складах. Лента заканчивалась железными створками. Я не очень понимал смысл происходящего, и лишь когда створки автоматически разъехались и я увидел сполохи пламени, все стало ясно. Бабушка отправлялась в свой последний путь, который должен был закончиться в печи. Я старался не смотреть на это.

Потом все вышли наружу. Предстояло отправиться на кладбище, где прах следовало захоронить. Все ждали автобуса, он запаздывал. Я зашел за угол, чтобы покурить. Тут стоял один из наших гостей, бабушкин племянник, мужчина лет тридцати двух, худой, но энергичный, с добрым и свежим лицом. Я видел его пару раз на общих праздниках и был о нем хорошего мнения. Что удивительно. В те времена я редко думал о ком-то хорошо.

Я не стал жеманничать, а достал сигарету и прикурил. Если родственник начнет читать нудную лекцию, пошлю его к черту, решил про себя.

— Что куришь? «Мальборо»? — спросил родственник.

— «L&M».

— Синий или красный?

— Красный.

— Хороший выбор.

Родственник мог записать еще несколько баллов в свой послужной список.

— А ты подрос.

— Ем хорошо.

— Тамара рассказывала, ты слушаешь рок.

— Слушаю. «Алису», «ДДТ».

— Здорово. А мы как-то играли у «Алисы» на разогреве.

— Да ну?

Следующие десять минут мы говорили о том, как выглядит Кинчев вблизи. Родственник охарактеризовал его как милого, своего человека.

Дальше была поездка на кладбище. Яма уже была вырыта. Все гости долго обсуждали, как сложно копать замерзшую землю. Только я не хотел это обсуждать.

Гроб опустили в яму, причем один из рабочих едва не свалился туда, оступившись и на секунду потеряв равновесие. Наверное, если бы он упал, это было бы смешно. Наверное.

Никто уже не плакал. Все почувствовали себя лучше. Достали бутерброды, водку, морс, кутью. Происходящее стало напоминать семейную вечеринку.

Потом все отправились к нам домой. Там уже был накрыт стол. Водки к тому времени выпили столько, что многие порядком окосели. В том числе и мой отец. Он в этом плане всегда был лидером. Все разместились за длинным столом. Кто-то из тех, кто был на кладбище, уже ушел, но появились и новые люди. Соседи, например. Многие из них бабушку недолюбливали. Да и бабушка относилась к ним как к людям второго сорта. Но теперь все они были сама кротость.

— Тамара Ивановна была такая чудесная женщина.

— Очень добрая, отзывчивая.

— И почему уходят лучшие?

Мне хотелось рассмеяться им в лицо.

— Вы что, идиоты?

Но я этого не делал. Сидел себе, молчал. Когда мне этот цирк надоел, я пошел прогуляться. Уже было темно. Красиво падал снег. На всей улице горела лишь пара фонарей. Около них толпились люди. Я решил бесцельно побродить по кварталу и ни о чем не думать. Это получалось без особых проблем.

Когда я вернулся часов в девять, оказалось, что за время моего отсутствия в туалете прорвало трубу. Теперь несколько пьяных человек затыкали дыру какими-то тряпками и откачивали из туалета воду ведрами.

— Что случилось?

— Скорее, сюда!

Мне тут же дали ведро, и я стал участником этого очаровательного процесса.

Аварийная приехала только через час. К тому времени мы превратились в пиратов, терпящих кораблекрушение. Мужик посмотрел на трубу и гаечным ключом повернул какой-то кран.

— А вы сами не могли это сделать? — спросил он у взрослых.

Взрослые смотрели на него мутными глазами.

— Понятно, — сказал мужик и ушел.

Мы остались с грязью, ускользящим опьянением, похмельем.

Дядя сидел на корточках в коридоре.

— Знаете, что я вам скажу, я неудачник, да-да, неудачник.

Его стали уговаривать вести себя прилично.

— Разве я веду себя неприлично? Что в этом неприличного? — возмущался дядя. — У нас «Алиса» недавно играла на разогреве!

Потом они чуть не подрались с отцом, но поскольку оба были слишком пьяны, у них получилось лишь провести небольшой поединок в армрестлинг.

Дядю отправили на метро, уходя, он упал в коридоре, поскользнувшись на остатках луж, и уронил полку. Когда его подняли, он запел: «Думы мои — сумерки». А потом заплакал.

— Смотри, — сказал кто-то из соседей, — бедняга, как ему родственника-то жалко.

Дядя поднял глаза.

— Эх, братцы, как жалко-то жизнь свою...

За ним закрыли дверь. Все разошлись.

— Все, — сказала мама, — финита ля комедия.

Она дала нам ведра и тряпки. Предстояло убрать последствия потопа.

Отец спал на диване.

— И что теперь будет? — спросил Пашка, выжимая тряпку в ведро.

— Ничего, — ответил я. — Ничего...